

ЛЕНА БЕРСОН

ПРИЕМНЫЙ КРАЙ

VIRGOLA PRESS

Лена Берсон Приемный край

ЛЕНА БЕРСОН

Приемный край

Лена Берсон
Приемный край

Lena Berson
Adapted land

Copyright © 2026 Lena Berson
Cover image by Sergei German
Cover design © 2026 Virgola Press
Author's photograph courtesy of the Author

First Edition
© 2026 Virgola Press

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means—electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise—without the prior written permission of the publisher.

Published by Virgola Press, New York
www.virgolapress.com
ISBN: 978-1-968788-34-6

ЛЕНА БЕРСОН

Приемный край

VIRGOLA PRESS
New York

Кто с двух сторон окна один и тот же текст
Выводит, грея руки?
Как странно, что теперь все ближе, ближе те,
С кем навсегда в разлуке.

Когда для передач и писем карантин,
Дождь крупного калибра,
Друг к другу за стекло без видимых причин
Мы тянемся как рыбы.

В слоистой глубине оттачиваем взгляд,
Дела не так уж плохи.
А к нам уже идут, прощаться говорят,
И тащат прочь за локти.

Короткий день отвык от света, как карман –
От мелочи родимой,
Отвыкло горло от призыва "слушай, мам",
Горб – от тычка: иди, мол.

Как пуговицы нас легко пришить на ткань,
Легко засунуть в петли.
Прости меня, я здесь.
Прости меня, я там.
Не знаю, есть ли, нет ли.

Но с двух сторон стекла кричим: "Да боже мой,
Не стой, уйди от края!".
Полгоря своего и полбеды чужой
Друг в друге отражая.

"Шукаю сабе ў Варшаве пакой".
Квартиру, а, может быть, угол какой
С горячей водой и холодным окном
До лета, а летом мне нужен другой –
С холодной водой и горячим окном
В глубоком дворе с провалившимся дном.

Не знаю, район мне подходит какой.
Спокойный, а кто здесь такой не искал?
Евреи искали в Варшаве покой,
Парком изо рта утепляя квартал.
Но время, как там ни елозь по одру,
Крахмальной коркой твердеет к утру.

По этой глазури стучи-не стучи:
А чьи тут следы? А ничьи.

Не знаю, с какого мне нужно числа,
Но так, чтоб за дверью укрыться от зла
Подушкой, печеньем, цветком на окне
(Не дуркой для бедных, не смертью во сне),
Сырой штукатуркой в своей западне.

На сколько? Надолго? На только пока
Друг с другом воюют и гибнут войска,
И что ты ни делай со мной, хоть убей,
Зачем не пойму убивают людей,
Пока не найдется Варшавы такой,
В которой покой.

В моей любви к тебе, как муха в январе,
Перед лицом стекла клянусь оконной раме.
При мелких детях ли, при ироде-царе
Мы жаловались на пространство между нами.

То долго денег нет, то нет свободных дней,
То ужасает мысль приблизиться к отчизне,
То не пускает долг... Все проще и грустней –
Нам видеться нельзя, как минимум, при жизни.

Не то чтобы не жаль, но если жаль, то пусть,
Зато мы никаким не связаны сюжетом,
И это хорошо, когда я изменяюсь,
Ты ничего уже не будешь знать об этом.

Как выглядит распад: сперва едва-едва,
А после гаснет свет и уступает зверю.
Теперь ты говоришь безумные слова,
Но я не вижу – как, и потому не верю.

Белье постирать, посуду помыть, крупу перебрать.
А если война? Не завтра она, а прямо вот-вот.
Герани полить, посуду помыть, белье постирать.
А кто же еще все это польет, развесит, протрет?

А если враги в наш город войдут и город займут?
Что толку тогда от свежих простынь, от их чистоты?
Пусть видят, как тут прекрасно живут, как счастливы тут,
Какие дома, какие сады, какие цветы.

А если они затопчут цветы, дома разбомбят,
Сожгут (но зачем? не знаю, сожгут) деревья в саду?
Останутся те, кто скажут: смотри, да это же ад,
И адский огонь в застывших зрачках предъявят суду.

Зло кончится, но не раньше, боюсь, чем кончимся мы.
Жасмин, как щенок, прижался к рукам тугим животом.
Что делать сейчас? Погладить его и окна помыть.
Что делать потом, что делать потом, что делать потом.

Свет становится как сухожилия
Старика – желтоват, слабоват.
Там, где прожили мы, там, где жили мы,
Нынче мало о чем говорят.

Снег ли, дождь ли, отмучились дачники,
Но в театре – сезон и аншлаг.
Если кто-то спешит с чемоданчиком,
"Мне бы так, – говоришь, – мне бы так".

Все – кто больше, кто меньше – состарились;
Не хватает ее и его.
...Лишь составы идут за составами,
Вьются бесы, а так ничего.

Был в Падуе дождь и в Венеции шторм,
Закутавшись в то, что с собой привезли мы,
Друг другу твердили: "Что будет потом?",
Но не про Италию и не про зиму.

У стен базилики, у края земли,
Прикрыв телефоны от мокрого ветра,
Мы видели: люди на родине шли,
Как будто вину избивали при этом.

Букеты имели растерзанный вид,
Взлетая ритмично над пешим кортежем,
Как если бы это того, кто убит,
Могло бы порадовать или утешить.

Уже надвигалась февральская тьма
Холодной, понятной до ужаса, ковки,
И острыми точками тлели дома:
Поближе – аркады, подальше – хрущевки.

И день, как всегда, эмигрантски двулик,
Сближал оба мира без лишних усилий:
Там люди стояли друг к другу впритык,
Так плотно, как Джотто бы изобразил их.

Там невыносимо, живительно тут.
Но в этих домах никогда не жила я,
А в тех я же знаю, как люди живут.
И как умирают.

Не пасторально устроена,
Где ни приляг – воронье.
Жалко не – как ее, родину,
Жалко любивших ее.

Сколько напрасно потратила –
То не война, то война,
Этих, встававших под радио:
"Славься, отечество на..."

Чем оно славится? Пытками,
Завистью (чувством шестым),
Тем, что убийцы воспитаны
На Достоевском с Толстым.

По равнодушию к "быть или..."
Мы вычисляем своих.
Боже мой, жалко родителей,
Жалко родителей их.

Двор, первым снегом засеянный,
Тих, как ладонь под щекой.
Жалко не родину, где она.
Жалко, что нет никакой.

У моих родных ни корней, ни кроны,
Ни фамильных гнезд, ни семейных хроник,
Ни кольца с бриллиантом, ни веры в бога.
Все наследство наше – одна тревога.

Все наследство наше, оно же – кредо:
Для чего мне это, куда я еду,
И какой достигли великой цели
Те, кто раньше вышли и здесь осели?

Поменяли имя, сменили почву
Обреченно, будто сустав и почку,
И читая, что и когда открыто,
Прикипели к новому алфавиту.

Да, тревоги столько, хоть ешь горстями,
Нам бы, может, лучше прожить гостями.
– Почему дорога с утра слезится?
Дождь сбивает спелую шелковицу.

Ливень льет и теплый асфальт в нарывах.
Мы живем затем, чтоб сходить на рынок,
Одолеть любовь, претерпеть прощанье,
Разобрать, не глядя, баул с вещами.

Почему покорно лежат в могиле
Те, кто здесь ни камня не полюбили?
Но когда твой камень июлем выжжен,
Ты уже неважно, откуда вышел.

*"Так редко поют красиво
В нашей земной глуши"...*

Невиданных чудес (разинув рот,
Готовые расплакаться вот-вот)
Так терпеливо ждут под елкой дети,
А мы с тобой, мой старый камерад,
Ждем голоса, которым говорят,
Как говорят немногие на свете.

Земная глушь на тембр его и тон
Наваливалась теплым животом,
Глушила как приезжего – Капотня.
Ты спрашиваешь: "Слышишь?" Я почти
Забыла это, если бы не ты.
Я только помню.

Сегодня новый снег обидно чист,
На этом фоне тишина горчит,
И новый год, откуда не просили,
Пришел, как появлялся столько лет,
Но делать вид, когда надежды нет,
Что есть надежда, требует усилий.

Усилье – это мы, а доля – бог.
Доверье, донадежда, долюбовь –
Все не довершено и не готово.
И голос говорит уже не здесь,
И не произнесет благую весть,
Само себя не произносит слово.

Приехали куда-то задолго до заката.
Был стол засыпан хвоей, густым вином закапан.
Так мало говорили, так быстро наливали.
Спроси меня: как было? И я отвечу: вай мэ.

Шел дождь впервые за год на заспанные куртки,
Мешая запах теста и мокрой штукатурки.
Хозяйка повторяла, что счастлива и рада.
Канавы открывались как дождевая рана.

Сезон оторопелый вовсю сквозил дымами.
Не утруждайся, боже, пока мы как-то сами,
Проникнув за кулисы из двух гаражных створок,
Сидим спиной к воротам, лицом к тому, кто дорог.

Лицом к тому, кто дорог, и потому прекрасен.
(Октябрь стирает лица, как свет в партере гасит,
И погружает сцену в целительную тьму,
В обмен за гробной речью).
Лицом к тому, кто дорог, и потому не вечен.
Жизнь вся из примычаний, из примы... ми... ма... му.

Противник потерял в бою за родину свою
Свой дом, построенный отцом, свой дом, свою
семью.

И что осталось у него? Ряды родных могил
И, может, память о местах, где он когда-то жил.

А мы, шагавшие в строю, неважно, сколько дней,
Забрали родину его, а что нам делать с ней?
В чужом доме узка кровать, стол пуст и свет погас,
И все, что говорить могло, молчит при виде нас.

Ну ладно, стол пускай молчит, пускай молчит кровать.
Нам есть, о чем поговорить и что порассказать.
Да хоть про родину, ее заботу и уют.
А как меня зовут, скажи? А как тебя зовут?

В какую школу ты ходил, в каком районе рос?
Ты помнишь, как зовут жену и цвет ее волос?
Как ты над матерью рыдал, мол, не твоя вина?
И как зовут твоих детей, ты помнишь имена?

Их тяжесть на твоих руках, на сгибе здесь и здесь?
Ты говорил им: смерти нет, а вот, выходит, есть.
Ты – враг и больше ничего, теперь ты только враг.
Как вышло так, что ты никто и звать тебя никак?

Похоже на Крым, но не Крым.
И зимнее небо над ним,
И кроткие горы над бухтой,
И Орджоникидзе как будто:
Дымками подернутый вид
Нетвердое зренье стеклит.

Похоже на Крым, но не Крым:
Склон стянут платком шерстяным
И, плотной прикрытые тьмою,
Холмы – то же самое море.
Руины теплее руки,
Ставриду несут рыбаки.

И, как серафим шестикрым,
Несет перикард пилигрим:
В сердечную сумку защиты
Реестры имен для защиты,
По снимкам рассыпанный рис –
Белесые оттиски лиц.

Не Крым? Слава богу, что так.
Читай: Магадан – Карадаг.
Чего закручинился, кореш,
Почти палиндром, не находишь?
Теперь окрымался? Пошли,
Вон "Орджоникидзе" вдали:

Ты видишь? На том берегу,
Где чайник шептал утюгу...

Я со своим кинофильмом повторным:
Шарфом верблюжьим респираторным,
Школьным альбомом (все – в белом, я – в черном),
Криком с балкона: "Обедать, бегом",
Стала врагом.

Именем "Лена" (моим) убивают
Девочку с кошкой на крыше сарая,
Спящих младенцев и старых младенцев:
К мамке припавших, впадающих в детство,
Видевших ад и не веривших в ад;
Тех, кто не спрятался, не виноват.

Даже мои молодые родители
(Мама посмертно) теперь победители:
Там, где они целовались для фото,
Именем их убивают кого-то;
Мама рожала, не зная, что вот
Сколько появится вдов и сирот.

Кровь бесконечно шумит кровостоками,
Здесь на востоке ли, там на востоке ли.
Те, под кого наша память подложена,
Хоть бы не трогали имени божьего,
Или пускай как запекшийся прах
Окаменеет у них на губах.

Из наших горьких пьес не выкинуть ни слова.

Герои столько пьют, что это раздражает.

– Выходим, ты готов?

– Готов, а ты готова?

Ремарка: обнялись, выходят, уезжают.

Подтекст понятен всем и ничего не значит,

У всех полно ключей и никакого дома.

Ремарка: обнялись, простились, кто-то плачет.

– Не надо, ни к чему, все это ненадолго.

Да, Чехов что-то знал, терзая или-или:

То выстрелом в висок, то головою в омут.

Герои ничего друг другу не простили,

Хотели бы обнять друг друга, но не могут.

Ты скажешь: "Боже мой, за что ж нам так досталось".

Да нет, досталось всем, мы сравнивать не вправе.

Ремарка: обнялись, поплакали, остались

На месте, где-нибудь в Тбилиси или в Праге.

Так некрасива смерть, но подвиг так прекрасен:

Издалека видны костры самосожженья.

Но после – только прах и тот развеян (разве?),

И дальше – тишина. Ремарка: неужели?

Наших не вижу, что ты, какие наши,
Но то и дело тянет раскрыть объятья:
Много похожих, очень похожих даже,
Столько, как если правда, все люди – братья.

В позднюю электричку у А-Шалома
Светка в любимой куртке вошла и села,
И улыбнулась будто бы мы знакомы,
Будто она жива и помолодела.

Так что я не особенно беспокоюсь,
И голова склоняется, как держава:
Кто говорит, Яаков? Знакомый голос.
Руки-то чьи же, я не пойму, Эсава?

Мы ничего не знаем: что там, за смертью,
Что мы потащим дальше и кто отстанет.
Может быть, Светка тоже меня заметит
В девочке узкоглазой на Теплом Стане.

НОКТЮРН

Водка, хлеб, из майонеза смотрит рыба оком ржавым,
Плыть бы ей куда подальше, а она сыграла в банку.
Тощий Гиви из Тбилиси был похож на Окуджаву,
Тоже самых частных правил, вроде Канта наизнанку.

Он бежал в ботинках летних в дом, где спать ложились в
девясть,
В час, когда на Авлабаре поздний стол хозяйка правит.
А потом его скрутили и в ушко иголки вдели,
И заштопали траншею красной ниткой саперави.

Арфы нет – возьмите бубен, все там будем, ламца дрица,
Хочешь петь – умей вертеться, объяснили матюками.
Что годится для Тбилиси, для Сибири не годится,
Мы же ценим только тяжесть: руку, взгляд, работу, камень.

Птичка божья с песней божьей, расписной комок эмоций,
Здесь у нас не приживется, даже самая крутая.
Здесь у каждого Сальери сложен в стол убитый Моцарт,
Потому что дилетанты никуда не долетают.

Мы похожи друг на друга уловимо, но не очень:
Кто на Лену, кто на Гиви, Як-Цидрак на Ципу-Дрипу.
Арфы нет – возьмите бубен или флейту-позвоночник.
Были б живы, то, пожалуй, и ноктюрн сыграть смогли бы.

Напрасно вы оставили деревья.
Все эти искалеченные клены,
Все эти обезумевшие липы,
Свидетельствовать будут на суде,
Где богу – богово, отребьево – отребью.
Где мертвым – мертвое, живым – живое, где
Не ваши окаянные законы.
Взорвали бы, срубили бы, сожгли бы.

Напрасно вы оставили животных.
Коты на иероглифах развалин,
Собаки на остывшем пепелище.
Коротких этих судеб требуха.
Они еще придут и скажут: вот мы.
Украинская ночь тиха? Хаха.
Мы видели, как вы нас убивали,
И тех, кто нем, кто нам, кого мы ищем.

Напрасно вы оставили убитым
Возможность разметаться по-хозяйски:
Раскинуть руки с персональным стоном
И правое колено подогнуть.
Где все так важно, что еще побыть там,
Побыть еще бы, полежать чуть-чуть,
Где умирать не хочется и зябко,
Где все мои убитые – никто мне.
Напрасно вы оставили живых.

Вынимаешь все зимнее, прячешь все летнее,
И все время такой: что увидишь последнее,
Погружаясь во мрак?
Ничего; днем терпимо, печальнее вечером.
В деле смены времен мы – истцы, не ответчики.
Слава богу, что так.

Унизителен холод и местные жители
Ощущают, что ежиться все унизительней,
Носят пух или мех.
Даже праздники радуют меньше обычного,
Слово "новый" у многих давно закавычено,
Но еще не у всех.

Столько беженцев с юга и беженцев с севера;
Издан красочно "Путеводитель рассеянных".
Ну и что? Ну и вот.
Лемех запанибрата с хозяйственным Молохом,
Сокрушаются хором, что старость и молодость
Слишком ценят комфорт.

Потерпевших в больницу привозят десятками
(Сотен тысяч) и каждый волнуется: "Сядь ко мне,
В голове кутерьма".
"Мы еще победим", – говорят они шепотом.
Доктор рад бы поверить, но что потом? То потом –
Наступает зима.

В точности, как у нас, – долго стоит жара.
Больно почти за все сказанное вчера.
Поздно сходить с ума, бегать, звонить врачу.
– Лучше уже молчи.
Лучше уже молчу.

Я, что ни день, теперь лучше могу молчать
Ради моих своих чадцев и домочад,
Чтобы никто потом (помнишь? да хоть умри!)
Не повторил вонне сказанное внутри.

Выкрутить в кухне свет, на табуретку влезть.
Нас разделило все, что обращалось в речь.
Так мы сидим, молчим, набрана в рот беда.
Как я молчу сейчас, как замолчу тогда.

Там, где молчали мы, вряд ли трава растет,
Как не растет она между могильных сот.
Если закрыт на ключ, скалишься взаперти.
Как я молчу, когда я говорю "прости".

Зима придет, потом пойдут на убыль
Ненужные огни, простудный пыл.
Своих детей родители разлюбят,
Как Авраам Ицхака разлюбил.

Погладил сына как рубашку гладят,
Расправленной ладонью не обжег.
– Ну хватит препираться, бога ради,
Иди сюда, свяжу тебя, сынок.

Что ждет тебя за чередой случек?
Обман, потом война, блицкриг, набег.
Давай свяжу, поверь, так будет лучше,
Чем ты калекой станешь среди калек.

Твои друзья отточенные жвалы
Сомкнут, почуяв – ты уже не крут.
Ты думаешь, меня не предавали?
Вот так же и тебя не предадут.

Твои носочки первые, твой локон,
Я б как святыню бережно хранил.
Давай, сынок, ложись на тачку боком,
Я довезу, пока хватает сил.

СВАДЬБА

Родителей ждут в Тбилиси, на свадьбу к Миле.
Меня еще нет в проекте, тебя – в помине.
Мои приезжают утром, куда деваться.
И мама в красивом платье, ей чуть за двадцать.

Твои – за густым базаром, в ажурном доме.
Инжир, как изжитый август, разъят на доли,
Над красною сердцевиной песка и лука
Жужжит, припадая к марле, живая муха.

И свет прижигает локоть, еще не осень,
И прямо под шелковицу столы выносят.
Мой папа сражен простудой, глядит в тумане,
Как нежно водитель Важа мерцает маме.

И как продавец Георгий, отжав газводу,
Давая стаканы маме, глаза возводит.
А после, на Авлабаре, гремит посуда,
Баран приведен с базара – второе блюдо.

Он в профиль почти как Пушкин в зените славы,
Он мнетса за дверью кухни, привязан слабо.
Но над жестяным корытом его копытца
Чернеют от красной крови и шелковицы.

И папа внезапно видит за краем жести,
Как слабо привязан к жизни рукою женской.

Сосед без собаки ходил за виной,
Но пить без нее полноценно не мог.
Он падал на лестнице в свой выходной,
Собака спокойно ложилась под бок,
И взгляд ее хмурый со скорбной каймой
"Мой сын, – говорил, – мой никчемный щенок".

Сосед говорил: "Мне она как сестра,
Да что там сестра, – кипятился, – как мать".
Бессмысленность зла, бестолковость добра.
Потом он оставил ее умирать
В закрытой квартире, в четыре утра.
И страшно, и некому лапу подать.

Когда по утрам на своей глубине
Ты держишь в глазах крупно колотый лед,
И воздух горячий, набившийся в рот,
Несет только сажу и копоть извне,
То думаешь: "Как неизвестность гнетет",
Но хуже, когда больше не, больше не.

Вроде бы эта женщина не просила,
Чтобы живот ей, чтобы живот и горло
Вскрыла, безумно лыбясь, ее Россия,
Вымучила и бросила полуголой.

Ладно, она лежала мертвее мертвых,
Кто-то прикрыл лицо ей, а то пугала:
Дети-то ходят мимо и люди смотрят,
Только не помнят: Ира? Наташа? Галя?

Возле нее – круженье нарядных улиц,
Праздник зимы и лета, стиха и песни,
Словом, она очнулась и ужаснулась,
Но раз воскресла – надо идти за пенсией.

Раны, мыча от боли, стянула швами,
Скорая ей сказала: не вам решать-то,
Вы свой живот и горло вспороли сами,
Мы не нашли на теле иных вмешательств.

Вы же все время сами себе мешали,
Бегали по дороге, орали: "Мира!"
Ну, помогли вы этим? Чуть-чуть? Едва ли.
Так что не надо, Галя-Наташа-Ира.

Ты в мясорубку (это для нас не тайна)
Пальцы совала с мясом, чтоб нож заело.
Эта ли, та ли, выход один, летальный.
В общем, она вздохнула – и полетела.

Правитель Валтасар умеет много гитик,
А мы – наоборот – не можем ни черта.
Коту зеленый глаз вернуть, который вытек,
Когда осколком ранило кота.

Не может врач пришить ни руку и ни ногу,
Возьми он хоть кетгут, хоть полипропилен.
Но Ты же есть у нас, Ты есть и слава богу,
И прах с Тобой не прах и тлен не тлен.

И нет у ада сил и нет у смерти жала;
Тому, кто погребен под рухнувшей стеной,
Кто был убит в упор, чье тело разметало,
Ты говоришь: дыши, иди за Мной.

Все то, что нес с собой – от этого избавься,
Ты сам увидишь, как "мене, такел, фарес".
Иисус Христос воскрес? Воскрес.
А как же Барсик?
Не может быть, чтоб тоже не воскрес.

Лена мне рассказывала так:
Едем на вокзал (мне скоро восемь),
По пути остановиться просим:
Девочка, мол, хочет в туалет.
Во дворе не то что полный мрак –
Чернота. И тут такое дело,
Кто-то закричал: "К тебе, Натэла!"
И тогда везде зажегся свет.

Вывернутый наизнанку дом,
Прижимался впалыми щеками,
Бегала собака со щенками,
Шелковица ударяла в таз,
Стол в окно протиснули с трудом,
Что бы ты ни ел – макал в ткемали,
И вино все время подливали:
"Но ребенку рано!" – "Вай, как раз!".

От стихов на тонком волоске
Говорили, улыбаясь строго,
Если раньше боли надо слово
Снять как с баклажана кожуру –
Лучше на грузинском языке,
Чтоб душе с царапинами тела
Свет зажгли, вскричав: "К тебе, Натэла!",
В тот же день, в который я умру.

Вчера примерно в шесть закончилась война.
Мы растерялась так, что не закрыли лиц.
И слезы поднялись к глазам с глазного дна,
А руки со стола к глазам не поднялись.

На школьный двор пустой несло из кухни чад.
Все дети по домам в любую из суббот.
– А кто бежит?
– Никто. Листва летит куда-т.
Мы больше не уьем, нас больше не уьет.

Цветок не при делах, поставленный в стакан,
Цветет среди еды, молчит благую весть.
Ты спросишь: "Как мне жить? Нет, правда, жить-то как?"
Но вариантов нет. Рассмотрим все, что есть.

На наших именах не то чтобы печать,
Но да, на наших лбах оттиснут явный след.
Я знаю, что нельзя, но начинай прощать,
На это все равно уже не хватит лет.

Мы вытерли глаза и выпили вина,
И обнялись опять, уже в который раз.
Закончилась война. Закончилась война.
Закончилась война.
И снова началась.

Мама прощаться едет. Я, говорит, к своим.
Мы тут чужие, что ли, возле окна стоим?
Слушайся, что ли, старших, главное – не болей.
Мама давно не помнит, кто я такая ей.

Кто я такая, мама, и почему не сплю?
Мучаю хлебный мякиш, горб из него леплю.
Зимняя пересменка, март опоздал на час.
Встанет горбатый к стенке – в профиль, а не анфас.

Встанет вполоборота, вздернув одно плечо.
Прятаться неохота, плакаться – ни о чем.
Где тут у нас наливки на полтора глотка?
Голем из белой булки ожил от матерка.

Белый такой как голубь, вмятины по бокам.
Ну-ка иди отсюда, не привыкай к рукам.
Слепнет от паутины – рвущейся кисеи.
Ходит за мамой, ходит. Все, говорит, свои.

ОДИССЕЙ

С порога кричал: "Где же все?", а где все?
Болеют, уехали, умерли, выросли.
Вчера возвратился домой одиссей...
Не знаю, как выразить.

Начнем говорить и теряется нить,
А сколько за годы случилось, не тьма ль всего?
– Поешь?
– Я поем.
И не смог проглотить.
Давился как маленький.

Он вроде бы был остроумен и крут,
Шутил над бойцовыми нашими курами.
Но спал на спине неподвижно, как труп,
С застывшими скулами.

К утру он ко мне неумело приник
И стал, как собаку и лошадь, наглаживать.
И я поняла: он старик, он старик,
Истерзанный заживо.

А утром пошел посмотреть виноград,
Пропитанный горем и черный поэтому.
– А что обо мне говорят?
– Говорят,
Что крыша поехала.

Да разве мы в курсе? Мы только толпа,
Едва ли доступны великие вещи нам.
И я поняла: он теперь скорлупа
С безгубою трещиной.

В начале марта уже без шапки,
С магнитофоном на сгибе локтя.
"Мать вашу, девки, – ворчали бабки,
– Чтоб вы оглохли".

Темнело рано, и частный сектор
Валился мятым лицом под коврик.
Как мы смеялись, мой бедный систер,
На фоне скорби.

В трамвайном круге нам было тесно.
Мы все надеялись, боже-боже,
На то, что мы из другого теста.
Мы – из того же.

И песни зря надрывались, что уж,
Давясь безудержною слезою.
Ты, как тогда, ничего не стоишь,
И я не стою.

И все, что нам остается (мало).
Куда не тронешься – те же вилы.
Всю нашу музыку разом смяло
И раздавило.

Ни в прошлой жизни, куда их – две нам,
Ни в этой сини, где мы осели.
Мы не подходим ни для обмена,
Ни для спасенья.

Проводила, посадила – скатертью полет.
Кто-то отдал жизнь, а кто-то – все наоборот.

Как там, жгут еще, как раньше, во дворах листву?
В этой жизни мне, конечно, не попасть в Москву.

Не попасть до высшей меры страшного суда.
Мы еще поедem в отпуск, только не туда.

Мало ли сирени в мире, всюду тот же цвет,
Мало ли, где люди жили, те, которых нет,

Мало ли с какой поездом до какой войны
Подышу ли я в подъезде, прежде чем уйти.
Мы рассеяны, но этим так заострены,
Что собой дырявим землю на своем пути.

Долгих лет тебе бессонниц, родина моя,
Чтобы пьяной или трезвой и с утра больной
На вопрос: "А кто виновен?", отвечала: "Я".
На вопрос: "А кем убиты?" отвечала: "Мной".

Что, наказание мое, ты едва не
Запропастилась, а ехать пора.
Слезы мучительней, чем расставанье,
Хватит уже, не реви, будь добра.

Выйдем на улицу неторопливо.
Свет, как всегда, не горит, черт возьми.
Дай мне уехать легко, без надрыва,
Как уезжали на море детьми.

Взрослые вечно встревожены, жаль им
Бабушку, кошку, квартиру, бог с ней
(Дай мне уехать, как мы уезжали,
В жадном предчувствии солнечных дней).

В поезде даже соседи не те им –
Заняли лишние несколько мест.
Зрением мне бы уехать, не телом,
Чтоб не искала знакомых примет.

Чтоб не решала: такие же или...
Пыльная зелень, разбитый вокзал?
Чтобы своими шипящими ливень
Мне никого бы не напоминал.

Чтобы в каком ни случится пейзаже,
Прямо сейчас или жизнь погода,
Чтоб не искала, не думала даже,
Вкуса качелей в припадке дождя.

– Куда ты?

– Я так, дойду до лотка, куплю виноград.

Там теплится дом над правым плечом, и окна горят.

– Как мама?

– Лежит.

– А брат?

– Не звонил.

– А дети?

– Не спят.

А кто виноват – силен и богат, кто прав – тот распят.

Какая жара! Что возле окна, что там, за стеной;

Хоть выверни дом – столом под платан, кроватью с больной,

Внутри – швами дверей, источенных в хлам червем ар нуво.

– А дождь не пойдет?

– А что тебе дождь?

– Да мне ничего.

Дворы, как прибор, подходят впритык, вплотную и что ж;

Зачем там кричат и плачут о чем? Да разве поймешь.

Как без рукавов их руки спешат чертить на лету:

– Что мама? что брат? как детям сказать, что неумоготу?

Идешь вдоль стены, по черной кайме. Откуда взялась

(Чертеж светляков, всплеск цицинател) печальная связь

С прогретой землей (а ляжешь в нее – прогреешь вдвойне)?

Так дети войны, друг друга узнав, молчат о войне.

Идешь до лотка с обрывком цепи, с обломком листа.

Воздушная вязь, грузинская речь, а жизнь прожита.

Вон мальчик, застыв под аркой в тени, зовет: "Тинико!".

Ты тоже кричишь и плачешь, но как – не слышит никто.

Друзей проводив до дверей,
Застыть, как ильич в мавзолее.
Пускай уезжают скорей.
Пускай забывают скорее

Наш аэродром запасной
С неловким объѣтом в финале.
Пускай уезжают домой,
Но только бы не умирали.

Домой, где надежда и страх –
Не наша, не ваша забота.
А что называется так?
Пусть так называют хоть что-то.

Не время, сканируя груз,
Изъяны искать в алгоритме.
И если я не Иисус,
Предательство не повредит мне.

И если не благодарят,
То значит спешат, уезжая,
Покинуть наш маленький ад,
Едва отличимый от рая.

И можно на пару минут
С пейзажем израненным слиться,
Когда за стеклом поплывут
Их перемещенные лица.

ЛАМАРА

Тебе и снаружи – ни много ни мало...
И вечность – внутри.
Давай мы тебя похороним, Ламара,
Ты только умри.

Да, смерть – это труд, но тебе ль опасаться
Любого труда?
Ты только начни и дойдешь без препятствий
Отсюда – туда.

Ты часто шутила: "пора мне, пора мне",
Но там, за горой,
Лоза находила все новые камни,
Однако не твой.

А ты убывала не сразу, не быстро,
Как к вечеру жар.
Так жертва бесстрастно идет за убийцей,
Как ты на базар.

И дом твой, бездумно отставший от стада,
Разинут, как рот,
И птицы забрали, что людям не надо,
И наоборот.

Не больно молиться о радости, нет ведь?
О божьей рабе?
Смотри, как листва о тебе цепенеет
И рвется к тебе.

ЙОЗЕФ И ЯКОБ

– Как ты? - спрашивает Йозеф у Якоба,
Глядя сверху на парящего ястреба.
Якоб в то же небо смотрит и ежится,
– Не тревожься, - отвечает он Йозефу.

– Лея плачет, но на слезы легка она.
В понедельник встретил мрачного Кравица.
Нам теперь в велосипедах отказано,
Впрочем, он-то все равно не катается.

Клара бросила занятия у Голдина,
А была, ты помнишь, самую лучшею.
Граммфон я отдал вместе с иголками,
Я все это их веселье не слушаю.

Эти марши, эта бодрость приапова!
Блох меня все время дразнит: "Да вы эстет".
Как компрессы на протез не прикладывай,
Из культуры ничто живое не вырастет.

Если я во что и верю, то в love and peace,
Не по эту, может, сторону, так по ту.
Я теперь "Израиль", так нам предписано,
Лея тоже стала "Сарой" по паспорту.

Я скучаю по тебе и хочу еще
В день рожденья потрепать тебя за уши.
Попугай Жако давно окочурился,
Все равно нельзя животных держать уже.

Я не знаю, чем все это закончится.
Вероятно, будет общая костница.
Будет ясно: мы как все, мы не хуже их,
Черепов таких тринадцать на дюжину,

Кровь густая заурядного качества.
Ой, ну Йозеф, перестань, что ты плачешь-то!
Как бы ты меня ни звал или я тебя,
Никого не видно здесь, кроме ястреба.

Тут ему пять. Очень серьезный клоп.
Прутик втыкает в землю, ну, зашибись.
Ось ординат, воткнутая в сугроб,
Падает, превращается в ось абсцисс.

Это тринадцать. Морда уже в прыщах.
Сердце уже в рубцах. За спиною – Крым.
– Чтоб к девяти вернулся!
– Ага, прям щас.
Мама давно не знает, что делать с ним.

Песня про грусть, другая – про мудаков.
Аня про грусть просит написать слова.
"Время понять, сколько на нас оков".
Свежая мысль. Тут ему – двадцать два.

Сыну четыре. Все говорят – похож.
Тут ему "выглядишь-как-то-неважно" лет.
Хочется жить, вроде бы как живешь,
Вроде бы как пунктирно, то да, то нет.

Мама теперь в системе координат
Стала крестом. Подставка, чугуны, литые.
Раньше сказали б "жертва", теперь "донат".
Знать бы кому отдать, чтоб вернуть свое.

Тела неуправляемый дирижабль
Все еще уповаает на волшебство.
Сколько всего он видел, что даже жаль.
Было бы легче, если бы ничего.

В этой войне готовят ему окоп,
Думают, что он сдался, что он затих.
Вот он почти избавился от оков.
Вот он уже свободен почти от них.

От наших дворов, уплотненных дымом,
До наших турбаз на расстрельных ямах
Хотелось быть больше других любимым,
И кем-то любимым другим, не мамой.

Иначе как будто зачем ты вырос?
Кому адресована эта жалость?
Молились, а лучше не становилось,
Просили-стучали – не открывалось.

На берег то льдины несло, то глину,
То пылью в оконные било щели.
То в ноги повалишься: "Не покину",
То думаешь: "Как же все надоели".

И память металась в своем районе,
Не дальше пекарни и комбината,
Но светлая вроде. "Кого хоронят?"
Какого-то парня из тридцать пятой.

Такого не помню, и взятки гладки.
Не он ли с собакой гулял? Похоже.
Не он ли на нашей курил площадке?
Не он ли вернулся с войны? А кто же?

Посмотришь на фоточки: хорошо им,
И этим ушедшим, и тем, кто выжил;
Потычешь кому-то в лицо – чужое.
А было таким, что не будет ближе.

– А ты бы не могла меня забрать?
Допустим, я тебе больная мать,
А ты не в курсе,
А тут узнала вдруг, что мы – свои,
И воссоединение семьи,
И все, пакуйся.

Вещей-то: ну, куртец, ну, пара бот.
А, может быть, вообще у нас любовь?
Там это можно.
Я им скажу, что пламень не угас
И буду имитировать оргазм
На всех таможняк.

Я только притворяюсь, что живу
И в ус не дую, но по существу –
Ни сил, ни воли.
Как будто влез в свое же барахло:
Тут стало велико, а тут мало,
Чужое, что ли?

Я осознала (раньше не могла),
Что никуда из моего угла
Уже не двинуть.
Ну, разве что туда, где в темноте
Лежат рядком виновные и те,
На ком вины нет.

Мне жалко нас – уехавших и не,
Довольных и довольных не вполне
Приемным краем,
Но жальче – тех, под грудями камней,
Кто стал для этой жалости моей
Недосягаем.

И если я канючу "забери",
То это что-то у меня внутри
Дошло до точки.
Я просто жду (неважно, там ли, тут),
Когда нас всех придут и заберут
Поодиночке.

Сирень шадящий подавала знак,
Я говорила ей: "Не надо так,
Давай попроще!".
"Отчизна" и "отчаяние" сперва
Звучат как будто разные слова,
Но корень общий.

Некрасивого человека встречали криками,
Что добрался в конце концов,
Обнимали руками навзрыд раскрытыми,
Обревели ему лицо.

Восклицали растерянно: "Отощал-то как".
Прикасались: "Не может быть!".
Так встречают, как будто уже прощаются,
Обступают, чтоб отступить.

"Дай еще посмотрю на тебя, ну дай еще".
И ведут за собой туда,
Где не будет ни жалеющих ожидающих,
Ни безжалостного стыда.

Задохнулись, прижавшись, плацкартным запахом,
Перебрав имена родни,
Будто это из мира живых изъятими
Был не он, а они, они.

Он еще не доехавший, заторможенный,
Одуревший от новостей.
"Можно, я понесу чемоданчик, можно же?", –
Поет кто-нибудь из детей.

И терзает родителей: "Звать "на вы" его?
Он знакомый или родной?"
Не вникая, откуда и как он вырвался,
И не видя, какой ценой.

Умирать, похоже, надо.
Если можно – покороче.
Ната, Ната, Ната, Ната.
Жаль жену, себя – не очень.

Знать бы раньше, знать бы лечь как,
Чтоб небольно и далече
И от вашей Черной речки,
И от вашей черной речи.

По твердым сугробам слепящего марта
Проходят то в клетку, то в елочку пятна:
Андрюша (из немцев), Равиль (сын татарки)
И я (ну понятно).

Под брюхом состава мы плющим монеты,
Мы втиснуты в насыпь, как в легкие – ребра.
О, если бы мама увидела эти
Дурные маневры:

Как близится поезд, горячий на белом,
Как воеет в глаза, обжигает железом.
Андрюша напуган. Андрюха, забей, ну!
Пошло оно лесом.

Ведь мы же не даром по стрелке метались
Назло машинисту, оравшему матом.
Однажды мы так же утратим свой аверс
На фэйсе помятом.

Мы станем не больше, чем форма для воска,
Но если кто нес – не донес эту весть нам.
Равиль будет мертвым, Андрей будет вохрой,
Я буду неместной.

Ни сна, ни предчувствия не было, да ведь?
Но как медяки б ни давили на зенки,
Я вижу, как поезд за поездом плавит
Застывшую землю.

Она тут не просто так, она же работает:
Уборка в чужих домах, как будто бы бога нет,
Когда отобрали твой (покой и муляж его),
В чужом за чужим цветком и кошкой ухаживать.

В своем что ни кашель, то сердечное сжатие;
Там часто, схватив пальто, хотелось бежать тебе;
Там ключ прикипел к замку, закат – к подоконнику,
И стены тесны в плечах, но пахнут шиповником.

Там в мае зальется двор глазурью нехоженой,
Что этого больше нет – неправда, не может быть.
– Как дома?
Хоть вой, хоть плачь – не слушают, страшно ведь.
А как тут она? Никак. Да некому спрашивать.

А тут
– Ты чего молчишь? Не надо врача?
– Да не.
Гуляет чужой народ с нарядными чадами.
Жизнь как грузовик – ползет, набит палачами – и
Не то что надежды нет, а даже отчаянья.

Не хочу, чтобы помнили вот такой:
В тополином сечении, золотой,
Заливающей окна живой водой,
Протрезвляющей на бегу.
Снег, припавший к земле в темноте двора,
Двор, дыхание лифта с пяти утра –
Чтобы помнили, не могу.

Нет, пожалуйста: страшной, дурной, больной,
Обесмысленной, выскобленной, пустой,
Достающей под собственный тусклый вой
Что-то мертвое из мешка.
Видишь, красная к Пасхе взошла трава?
Вот такой, как сейчас, говорит Москва
И показывает: пока.
Вот бычок, под ногами его доска.
Для тебя – навсегда пока.

Как всегда, зацветает жасмин
Возле дома, пора ведь.
А зачем? Без него или с ним –
Ничего не исправить.

По воздушной стремянке в окно
Поднимается холод,
Как больному – давно все равно,
Но сидят и приходят.

Руки гладят, скучают и ждут,
Чтобы кто-то прогнал от.
Вроде, знаки ему подают,
Он не ловит сигналов.

Ни обид у него, ни вины,
С кем простился не так, но
Как же пахло весной до войны:
Не келейно, не тайно.

А теперь задохнешься – ну-ну,
Разнадеялся снова?
Будто права на эту весну
Больше нет никакого.

Пацанчик ерепенился и хныкал:
Ну блин, как так-то, чтобы без каникул?
Давайте в Коктебель и Кореиз!
Чтоб мы катались на катамаране,
Чтоб с берега вы что-то там оралы:
Хорош купаться, выйди, оботрись.

Да я не ною, почему я ною...
Вы сами все напутали с войною,
Она вообще не то чтобы война.
Мы в городе сидим и это дико,
А там давно купаются поди-ка
И точно загорели дочерна.

Там помидор от воздуха соленый
И баба Поля, огород еёный,
Я знаю, что "ее", но это здесь,
А там же можно, там же все другое.
Кончайте так смотреть, как будто горе,
Еще недели две в запасе есть.

Вот Серый был в Анталии искупан,
А мы могли б увидеть Мариуполь:
Руины, мам, почти как древний Рим,
Развалины, колонны, прям как эти...
Там стерли надпись: "дети", "дети", "дети".
А кто нам эти дети? кто мы им?

СТАРЫЙ ЦИРК

Шатер у Казачьего рынка,
Дрожащий от нервного рыка.
Растоптанный в кашницу вход,
Где слон и потом бегемот.

Там дети, вошедшие в раж, но
Со взрослыми, это не страшно;
В пробитом лучом волдыре
С пайетками на алтаре.

Там, чтоб ничего не пропало,
Все вместе, гуртом, как попало:
Восторг (удержать навсегда)
И первая тяжесть стыда,

И холод, и жар, неужели
Снег валится в черные щели?
Глаза опаляет софит,
И тело его дребезжит.

Слон людям, ступая по кругу,
То голову тронет, то руку,
Как будто, касаясь чужих,
Сломать опасается их.

Когда приведут бегемота
В петле, как опасное что-то,
Он сразу закроет глаза,
Хотя по контракту нельзя.

Больного на дачу вывезли,
Где лес и сосновый бор.
Он смотрит: сирени выросли,
А были-то до сих пор;

В сугробе застыли грабли вон,
Качели как куличи.
И все ему: выздоравливай!
И он сам себе: молчи.

То в кресле на воздух выставят,
То снова закатят в дом,
А потчуют так неистово,
Как будто съедят потом.

Здесь всё бы ему простили бы,
(Что именно – им видней),
Над скатертью непростиранной
С заметным пятном на ней.

...Он столько себя накручивал,
А встретились кое-как.
Он за неимением лучшего
Портвейн положил в рюкзак.

Потом они долго ехали
Под сенью родных осин,
И он говорил с помехами,
Как радио Би-Би-Си.

Дошли до поселка затемно:
Столбы и над каждым нимб.
Запомни, смотри внимательно:
Сейчас она рядом с ним;

Сирени летят как демоны,
И ветром крыльцо трясет.
Она ничего не делает,
Глядит на него и всё.

Так рвемся сейчас на части мы,
Качаемся на краю.
Руками взмахнув над чашками,
Она разольет свою...

Она – восемь лет покойница,
А он все живет и ждет,
Когда перестанет помниться.
А вот не перестает.

В детстве забежишь в чужой подъезд:
Запах краски, жареного лука,
Голоса, рокочащие глухо,
Слушаешь, пока не надоест.
Там другие люди за дверьми,
Там живут совсем не так, как мы.

Там шаги другие за стеной,
Батарея щерится иначе,
В выходные тихо – все на даче
(Кроме тех, кто пьет или больной),
Чтобы полведра, как ни крути,
Жестких темных ягод привезти,

Теплых яблок, мелких, ну и что ж,
Кислых, как смеющиеся будды.
Ты там никогда уже не будешь,
Ты уже не будешь, не живешь,
И зачем ты думаешь тогда,
Как там – гололед или вода?

Как деревья острые гудят,
Как стерильно небо над крестами,
Снег в себя проваливаясь, тает,
Но мороз ударит, говорят,
И, вооружившись до зубов,
Выстудит все впадины на теле,
Обшмонает, разберет на тени.
Сколько раз я видела любовь,
Столько раз она была смертельной.

Пол натопан, день окончен, значит,
Свет везде повыключен давно.
Тетка заглянула: "Где тут плачут?
Мне о том, о ком запрещено".

Постучала коротко и кротко.
Расстегнула душное пальто.
– Ты реально алчешь правды, тетка?
А, допустим, скажут, ну и что?

Этой правдой так тебя накормят,
Что узришь и Сына и Отца.
С обуви твоей течет на коврик;
Вывод сам напрашивается.

Что ты как-то скрючилась, склонилась,
Захлебнулась вздоха посреди?
Ты все повторяешь: "Милость, милость".
Ну, допустим, милую, иди.

Никого не послушала, родила,
Назвала Иисусом, кому какое?
Не кричала, не плакала, как скала,
Говорила: оставьте меня в покое.

Кто отец, приставали, мол, что за чел,
Но жалели неискренне и нечасто,
А она говорила: а вам зачем?
Непорочное, может, у нас зачатъе.

Да и если подумать, какой порок
В том, что кто-то забрался в чужую койку?
За другие грехи получают срок,
И не сорок недель, а бог знает сколько.

Так идешь вдоль забора, а рядом ад.
Отвернешься, не смотришь, но прямо рядом.
Отвернись, Тебе, Господи, говорят,
Потому что на это смотреть не надо.

Солнце к вечеру красное, как ранет,
Наст кровавит ладони у нас в Сибири.
А вы были случайно в Сибири, нет?
Вам бы было понятнее, если б были.

Спал безжизненно, как матрас
Спит на полке до Барнаула.
Разбудили в который раз,
Покачнулся, со сна шатнуло.

Спал в одежде, в земле, в пыли,
Чтобы, если поднимут – сразу.
Ну поржали и повели:
"Собирайся, с вещами, Лазарь".

Лес рывками летел в окно.
Что за город за ним – убей, но...
Погребальное полотно
Подметало вагон купейный.

Дали б, господи, кипяток,
Добираться-то далеко хоть?
С полпинка заалел восток,
В рыхлом горле забился клекот.

Вышли в тамбур, а там – трясет;
Едкий запах мочи и дыма.
– Ну дак что, отпускать его-т?
– Ну дак если необходимо.

– Надо где-то потише, чтоб
До весны не нашли его бы,
Он, как в масло, войдет в сугроб,
Тут, куда ни ступни, сугробы.

Глядишь, она и кончится, как снег или война.
И ты поймешь растерянно, что кончилась она.
Совсем? Да вроде этого, а что осталось? Вот,
Как шелуха от семечек под ногтем кожу рвет.

Детсад (одежи в сумерках, а то бы ты проспал),
Где громыхали санками, расталкивая пар,
И запах мокрых варежек, щипки исподтишка,
И мамина холодная – пока, пока – щека.

День в одичавшей комнате, где дует из щелей,
Чем хуже видно дерево, тем за окном темней.
Из горя и предчувствия нельзя ни то, ни то,
Где лучший друг – пришедшее с утра с тобой пальто.

От батарей не дышится, дуреешь к четверем,
Снег ярко фиолетовый летит под фонарем.
Глотай, сдирая шарф, его, хватай открытым ртом,
Из боли и предчувствия все надо на потом.

– Простынешь!– Не простыну я. – Застегивай давай.

Стоїть гора високая, поїд горою гай, гай...

Квартира с коридором внутривенным,
Издерганная сквозняком и кашлем,
Вдруг стала нестерпимо довоенной.
Как было раньше?
Я не помню – как же?

Что было важным, что казалось верным,
Что было нами предано с годами?
Любая вещь вдруг стала довоенной
Из тех времен, когда мы...

Здесь лампу зажигали, там гасили,
Прощались робко, обнимались редко.
Так утешают выросшего сына:
Не плачь, не надо, детка.

Нас не спросили, не нужны слова же,
Ну разве: боже, боже.
Мы дважды довоенные. Не дважды.
Безжалостней и больше.

Л.Р.

1

*"Платком взмахнула у ворот
Моя любимая".*

Вера успела выйти замуж за это время,
Ника родить ребенка, Оля найти работу,
Миша как будто в норме, но у него давление,
Игорь успел уехать,
Ваня успел уехать,
Таня смогла уехать,
Ира могла уехать, но не сложилось что-то.
Даже весной и летом
Тьма не сменилась светом.
Ярость сменилась ямой, губы ее запали,
Землю она глотает маленькими глотками,
Меленькими шагами, чтобы не сделать хуже,
Топчутся возле края те, кто еще снаружи,
Дуют на пальцы, греют впадины и костяшки.
– Горько?
– Конечно, горько.
– Тяжко?
– Еще б не тяжело.
Стыдно реветь по-детски временем этим зимним.
Будет прощаться не с кем – что ли, платком махни
мне.

2

*"А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз".*

Так держишь человека, кажется,
Что он поднимется, прокашляется,
Переживет короткий год
(Болезнь, то-се). Живут же сверстники.

Ложисься вечером, не верится,
Что ты уснешь, а он умрет.
Вот так поступит – независимо.
А ты теперь кричи, зови его,
Стыди, но он не виноват.
Что толку скорбью донимать его?
Так руку из ладони матери
Выдергивают и летят
Во двор, где в сумерках давно уже
Все собрались, играют в ножички
И штандер; кто во что горазд.
Земля как снимок с грубой ретушью,
Придется лечь в нее – так это же
Как в песне – это только раз.

Целый день за окнами мрак.
Все, что ты любил столько лет,
Либо потерял (как же так?),
Либо потеряешь (ну нет!).

Влажный воздух пахнет тюрьмой,
И конвой на улице ждет.
То ли потерял (боже мой),
То ли потеряешь вот-вот.

Все, к чему за жизнь прикипел,
Приникал то лбом, то щекой.
Ну и как ты будешь теперь?
А потом ты будешь на кой?

Что ни день, то change у менял,
Светится огнями жильё.
Что ты там вообще потерял?
То, что потерял, то мое.

Целый день повсюду беда.
Целый день повсюду война.
Злом не убаюкаюсь, да.
Зла не убоюсь? Я не зна...

Опять позвонит тетя Ида
И бабушка из Ленинграда,
И бабушка из Еревана,
А ты их ни разу не видел,
И, в общем, не очень-то надо.
"Спасибо" сказал? Ну и ладно.
И ты, проносясь по квартире,
Орешь: "Мне четыре, четыре!"

Всегда в этот день эти тети,
Но с голосом бабушек или
Со смехом, похожим на спазмы,
Стабильны, как розы на торте.
– Не может быть, чтобы пятнадцать,
Вот если мне помолодеть бы.
("Спасибо" сказал тете Иде?
Она тебе выслала деньги).
– Мне надо идти заниматься.
– Конечно, мой маленький, празднуй.

Как долго их было не жалко,
Была же, я помню, как будто
Баб Маня из Лен... Петербурга,
Была из Армении Жанна
И сгинула, не отыскать их.
Как долго пространство, как скатерть,
Натянуто было меж Маней
И Жанной, и Идой, и нами,
Пока со стола не смахнули
Бутылки, объедки и корки,
И солнечный свет, и пилюли.
А лет тебе сколько?
Ну сколько?

Зло победило. Теперь о культуре:
Нашей культуры прекраснее нет.
Скорые ёрзали, ночью, к утру ли –
Помер сосед.

Мази купил, собирался втирать их.
Ныл, что детей не сумел уберечь.
"Песни победы" сегодня в театре,
Танцы и речь.

Так не ко времени требуют скорби
Эти пустые пальто и кровать.
Снегу-то, снегу нападало столько,
Что не убрать.

Мир мало похож на мир, но сильно похож на меч,
Бессмысленна наша речь и речи любивших нас.
В убежище теснота, не видно свободных мест,
Но бог сохраняет всех, к матрасу приткнув матрас.

Там все, что берешь с собой, когда вынуждают брать –
Неловкий набор вещей, бессильных тебе помочь.
"Ты можешь сидеть, как все?" – взывает к ребенку мать.
"Ты можешь сидеть, как все?" – терзает старуху дочь.

Готовится уцелеть все то, что уже цветет,
И что зацветет вот-вот отважно, на чистовик.
Старуха, закрыв глаза, сухой открывает рот
И ласковый кругляшок внедряется под язык.

Мы тут, с высоты небес, не более чем улов,
Кто спит, кто не может спать, кто мучает интернет.
И я не хочу, прости, я, видимо, не готов
Увидеть своих врагов, поверженных или нет.

Дом строится из пустот – ни камню, ни кирпичу
Не выдержать этот вес, сгибающий нас в дугу.
Ты многого не хоти. Я многого не хочу,
Но я сохраняю все, что я сохранить могу.

Несколько дымом саднящих суток:
Дождь бесконечен и сон нечуток,
Прямо из окон кормили уток
Крошками со стола,
Тяжесть холодной воды канала
По ватерлинию укрывала
Теплые их тела.

Бурый кустарник скрывает лодки,
Время проходит на перемотке.
Что там с погодой? Прогноз не четкий,
Значит, не так жесток.
Точность не вяжется с упованьем:
Незачем знать деревянным сваям,
Где их забьют в песок.

В наших местах, из которых едем,
Бедный пейзаж по-другому беден,
Хмурой тоскою своей изъеден,
Как заржавевший гвоздь.
Там, если честно сказать, Всевышний –
Авторитетный, вальяжный, пришлый
И неудобный гость.

Там, все права уступив без боя,
Праву терпеть, презирать живое
Только за то, что оно живое,
Стынет свинцовый лес.
Там даже местный чудак Володя,
Самый незлобный и тихий вроде,
Умер и не воскрес.

Я не могу и никто не может
Видеть, как боль человека гложет,
Или как чертит один и тот же
Символ его рука.

Точки возврата ушли под землю.
Все изменилось совсем, совсем ли?
Знать бы наверняка.

Наверное, Адам кого-нибудь не спас.
Он шел домой пешком окраинами рая,
Когда, услышав крик, решил: "Не в этот раз.
Я имени того, кто там кричит, не знаю.

Я знаю всех своих, я помню имена,
И гамму голосов от клекота до воя".
Адам ускорил шаг: его ждала жена,
И змей шуршал как дождь невидимой травой.

Был этот детский сад и дом Адаму мил,
Он экономил на решетке и засове.
Но кто из темноты так обреченно выл,
Отбрасывая тень, промокшую от крови?

Адам взгляделся в даль и нескольких минут
Хватило для того, чтоб побороть тревогу.
Он так хотел нырнуть в божественный уют,
Глотнуть брусничный свет и молвить "слава богу".

Еще не родились те, кто от слез ослеп,
Над кем завис топор, кому вливали яд, но,
Освоившись с добром, как с маслом сдобный хлеб,
Адам отринул все, что было непонятно.

Он ел что бог пошлет, спокоен, глух и нем,
И внятен был ему и фрукт любой, и овощ.
Адам еще не знал, что это не Эдем,
Где задохнулся тот, кто звал его на помощь.

ИМЯ

"Тебя могли бы назвать Мариной.
Я так просила! Такое имя!
В честь младшей девочки тети Липы.
Но мне сказали: "Вы не могли бы
Избавить нас от рекомендаций?"
И я не лезла, куда деваться.

А я мечтала – сойду с трамвая,
Приду к Маринке, скажу: "Назвали!"
И над Ваганьковской слободою
Февраль зальется живой водою,
И теплым снегом, двумя руками,
Ее неловкий умою камень.

Вот ты не можешь ни печь, ни штопать,
Похоже, руки растут из жопы.
Ни щи, ни тесто, ни шить, ни гладить,
А вот Маринка могла не глядя.
Ухватит ситчик – куда Шанели!
А как мальчишки ей вслед глядели!"

Я шла из школы, смотрясь в витрины,
Конечно, лучше бы быть Мариной.
Не прятать "Приму" в сугроб за школой,
А быть Мариной и быть веселой.
Я приставала: "Но в чем же дело?
Что с ней случилось?" – "Она сгорела".

Кусая грязные заусенцы,
Я представляла себе Освенцим,
Где подключичные ямки чьи-то
Дождем до самых краев налиты.
И ямы те же, и лица те же.
"Она сгорела". Но где же, где же?

Она – умела, она – медичка,
Она бывала в анатомичке.
Смешав отраву и гоголь-моголь,
Она горела в четвертом морге.
А что же делать, когда любимый,
Сперва – с другою, потом – с другими?
Да ладно, бог с ним.
Осталось имя.

Земли, если даже сухой – сырой,
Хватает повсюду, чтоб к ней припасть.
Зачем возвращаться? Ввернуться в строй?
Втереться в орнамент? Вложиться в пасть?

Неловкий визит нанести родне,
Пытающей трапезой: что ж не ем?
Но я возвращаюсь, как будто мне
Во сне остается еще зачем.

Сойти за свою, зажимая плач,
Туда, где влезай-не влезай, убьет;
Туда, где метался знакомый плащ,
И липы в окно подавали мед,

Где добрые люди то там, то тут,
Привычно грустящие о своем,
Недавно кричали: "Пусть их убьют,
В асфальт закатают, сожгут живьем",

Где так ли, иначе "один из нас" –
Любой, чьи глаза над землей видны,
Где экзоскелеты в кроссовках найк
Теперь ветераны большой войны,

Где снег у дверей, как подушка смят,
И воздух волнуется, как мотовство.
Мы все еще ввергнуты в этот ад
И некому вывести из него.

В мире, откуда нас плотной волною смыло,
Где никакая дверь ни от чего не щит,
Что мне тебе сказать? Что не имеет смысла,
Но хорошо звучит.

В мире, где ты нигде и никогда не свой, но
Каждый слепой плюет в очи поводырю,
Что мне тебе сказать, чтобы не сделать больно?
Коротко говори.
Коротко говорю.

Опыт любви никак не применим к потере:
Что не сумел спасти, то навсегда предашь.
Кто сохраняет все, хочет, по крайней мере,
Не истощить пейзаж.

Этих глядящих внутрь млечных фасадов хватит,
Чтобы понять, что все, в сущности, решено:
Что окунуть лицо в лунный холодный кратер,
Как заглянуть в окно.

Что мне тебе сказать? То, что темнеет рано,
Ночь превратилась в день, центр превратился в край.
Только сложи персты, тут же найдется рана.
Лучше не проверяй.

Наши, какие есть, мы углубляли сами,
Заживо рвали ткань и изменяли крой,
И ни одну из ран не обезвредишь швами
И не зажмешь рукой.

Звук голосов за стенкою неясный,
Снег, изнуренный приступами астмы,
До лучших дней забытое пальто,
Верхушка елки острая, как стерлядь.
– Мы больше ничего не можем сделать.
– Но если вы не можете, то кто?

– Сейчас, куда ни кинь, начало года –
Нехватка воли, силы, кислорода,
Боль за грудиной, внутренний раздрай.
Как скорая прокуренная помощь,
Присели возле койки.
– Полночь?
– Полночь.
– Ну ладно, слава в вышних, забирай.

– А что ж не топят? Чуть не околели.
Руками опираясь о колени,
Все трое одновременно встают,
Сложив в укладку золото и ладан,
Над смирной медлят – вроде бы не надо,
И аккуратно скручивают жгут.

Не то чтобы спешат, но мало толку
Смотреть на догорающую елку
И на иголки в стоптанном ковре.
Они выходят съезжившись как будто,
И светоотражают это утро,
Пока идут к машине во дворе.

Как до конца не понятая тайна,
Все вещи тонут в их же очертаньях,
Бесцветный дым в окне стоит столбом,
Квартира тлеет в полумертвом мраке
И теплое дыхание собаки
Отчетливо теснится надо лбом.

Когда это все до того опостылело,
Что кровью пропахли еда и вода,
Мы стали придумывать – как нам спасти его,
Где спрятать его, увезти, но куда?

Он строит из глины родные развалинки,
Как все мы, вдыхает не воздух, а дым.
Да, он еще маленький, он еще маленький,
Но вырастет, если его сохраним.

Он вырастет, нашей бедой обеспеченный,
Как скарбом хозяйским – квартира на съем,
Мы только сотрем его имя из перечня,
Реестра и личного дела сотрем.

Как мы воровато со стекол в испарине
Стирали сердца, разъедавшие лед,
И столько всего постирали из памяти,
Что памяти меньше теперь, чем пустот.

Он будет далек от героя и ратника,
От рыцарских лат или берцев в пыли,
От этого горя и этого праздника,
Невидимый с той или этой земли.

И даже не вспомнит, какими же были мы –
Чужие для каждой, где жили, страны.
Без имени, без языка, без фамилии –
Для братской могилы они не нужны.

- Вам в последний вагон.
- Почему? Там трясет,
Слишком тесно и дети заплачут вот-вот,
Очень душно и в тамбуре тонешь в дыму.
- Вам в последний вагон.
- Почему?
- Потому!

Наступает сырой сероватый рассвет,
За мою спиной кто-то лег, кто-то нет.
– Можно чаю?
– Да можно б, но нет кипятка
И заварки, смотрите в окошко пока.

Я смотрю, я смотрю, я не пью и не сплю:
Там все то, что я больше уже не люблю,
Там в глаза мои, в их азиатский разрез,
Втиснут черный безликий безлиственный лес;

Подбородок уткнулся в бескровный ландшафт,
Где толпятся надгробия правд и неправд,
В память врезан вокзал, как характер в судьбу,
И названия станций сторают во лбу.

Поезд едет землю, лежащей пластом,
Бьет последним вагоном, как рыба хвостом,
Дети спят, а такая как я шелупонь
Козырьком приставляет к рассвету ладонь.

Как там в песне поется: "ямщик, не гони!".
В полседьмого утра погасили огни.
Позвонить бы своим, но никто не алло.
Так как будто бы не рассвело.

Блажен, кто с утра на базар
Выходит из желтого дома,
Цветастый платок повязав
И губы намазав бордово.

Кто верит в чеснок и укроп,
Живучий используя навык,
Когда пробирает озноб
Омытый дождями прилавок.

Смертельная сванская смесь
Сквозь тонкие ноздри продета,
И персик, теряющий спесь,
Выводят на бис как Одетту.

Пчела атакует хурму,
Петрушка еще не просохла.
А только скажи, почему
Все тронут о умброй и охрой?

За час до приезда гостей
Над светлой форелью живою,
Так тягостно падает тень,
Как будто поймав ножевое.

Еще аметистовый лук
Монетой морковной не убран,
Тогда почему это вдруг
Все выжжено охрой и умброй?

И точно, с каких это пор
Арбуз киноварный надколот,
Как будто уже приговор,
А ты не читал протокола?

У клюквы был больничный терпкий вкус
И твердый бок, к утру заиндевевший.
Допустим, что я смерти не боюсь,
А я боюсь. Но не своей, конечно.

Пока идешь, вооружась ковшом,
За клюквой, мелким снегом припорошен,
То думаешь примерно обо всем,
А если юн, то ни о чем хорошем.

Октябрь у нас, как правило, не злой,
Но нервный, будто паспорт нелегала.
Земля ли пухом или пух землей –
Все как-то равнозначно ужасало.

Кому не знаю нужно столько лет
И день и ночь следить за нами с вышки;
Мне часто говорили "смерти нет"
Те, кто об этом знал не понаслышке.

В карманы руки сунув для тепла,
Я думала, что там не пустота, нет.
И так, за шагом шаг, пережила,
Тот детский ужас, что меня не станет.

Потом мы пили водку, сбросив кладь,
Сушили сапоги на батарее,
И я еще не знала, что терять
Своих страшней всего, всего страшнее.

Душа, как косточка в черешне,
Превозмогает день вчерашний,
Где старый мальчик смуглой ручкой
Поводит: мол, пока-пока.
За трафарет ворот железных
И кружева сплетений лозных
Мой бесполезный слезный русский
Не долетит наверняка.

Нас обнимали на прощанье,
Нам подносили угощение,
Как будто могут разносолы
Помочь на этом рубеже.
Отрежешь яблоко и сразу
Поймешь, что кровь течет по срезу,
Что лес и дол отныне полы
И не наполнятся уже.

В высоких комнатах все жарче,
Живых сильнее мертвых жалче,
Далекий купол вроде шлема
Скрывает ангельскую рать,
Такая здесь земля, что если
Втыкаешь ветку – будет песня,
Зерно бросаешь в пыль – поэма,
А человек привык молчать.

Друг другом заживо задеты,
Мы все мычим друг другу что-то,
Припали к стеклам те и эти,
Как золотой иконостас.
Здесь так воздушно все, что крепко,
Неколебимо все, что хрупко,
Так отрешенно машут дети,
Прощаясь в самый первый раз.

Приехать в другую страну и лечь в полутеплой
квартире.
Забиться заслуженным сном и тем, как слова шелестят.
Хозяин ушел на войну, как все в этом долбаном мире?
Да нет, он ушел за вином и скоро вернется назад.

За ветхой кирпичной стеной то трах-тибидох, то
молчанье,
То вскинется клен шерстяной, то ливень густой
зашипит,
И сердце исходит войной, пока не придут марсиане,
И не зарыдает конвой, и не затуманится щит.

В открытых дверях натюрморт сменяется
женским портретом.
И пристально, как медосмотр, часы в изголовьи идут,
Дрожащий на солнце букет уже заменен сухоцветом,
И страх усечен, как бюджет на время тревоги и смут.

Кто плачет? Не плачет никто, так вышло, что
плакать не надо,
Хоть жалости не побороть, как долго себя ни готовь.
Пустые бочонки лото вбирают распад винограда:
Осеннюю сладкую плоть и темную горькую кровь.

Нищий в сырой порфире, тощий король крестей –
Город любимый с детства (с детства других детей).
Над авлабарским рынком, где базилик зе бест,
Небо с тяжелой дверью замкнуто как подъезд.

Эти координаты вынуты из систем,
В пятнах венецианских камень запавших стен,
Улица за базаром загнута, как строка,
Как полумесяц тело каждого старика.

Выкручено рыданье, будто белье жгутом,
Выглажена одежда черная на потом,
Женщины con dolore, спайки осипших нот,
Жалуются друг другу возле чужих ворот.

Дай мне к тебе приехать засветло, по любви;
Нам ли бояться бегства, бегство у нас в крови.
Сверстаны план и смета наскоро, на весу,
Изгнанные за правду знают ее не всю.

Если мы были хлебом – вышла из крупных пор
Родина как мученье, родина как позор;
Если мы были словом – то потеряли суть.
Дай мне к тебе приехать, дай мне передохнуть

Без городу неделю; всюду идет война,
Жизнь глубоко в туннеле наспех погребена,
Наша земля пригрета на молодом лице.
Этот туннель вне света, даже в его конце.

Подруга любит свою страну –
Она рождает в нее детей.
Страна играет детьми в войну,
Она считает, что ей видней.

Когда творится такой содом,
То нужно выбрать, как ни крути:
Подруга хочет спасти свой дом,
Но больше хочет детей спасти.

Страна кладет их как в соты мед,
Еще недавно таких живых.
Страна их любит – за них убьет,
А мать их любит – умрет за них.

Она пакует ручную кладь,
Последний варит для них обед,
И ей не хочется умирать,
А только выбора больше нет.

За лето дом до костей нагрет,
Он прост, как путь в Иерусалим.
Она глядит на оконный крест
И на звезду за окном своим.

Как ждут ареста после обыска,
Так мы чудес со страхом ждем.
Вот замироточило облако
В согласии с календарем,

Прохладой бережно повеяло,
Распалась плотная жара,
И август – всё, а мы не верили,
Но верить мы не мастера.

Пальто уже с изнанки стылое,
Уже сырой кусок стены,
Но те, кого простить просили мы,
Вообще никем не прощены.

Сухой листвы в окошке кухонном
Полно на сломе летних дней.
Темницы – ни одна – не рухнули,
А стали крепче и темней.

Плоды напомнили о сытости,
Цветы явили благодать.
Тому, кого просили выпустить,
Покоя с волей не видать.

Где сброшены доспехи летние,
Там день в безветрии затих.
Как мы просили исцеления
Для всех, спасенья для своих!

Ни золотой не надо осени,
Ни капель олова в пыли.
Ты ждал чудес? Допустим, вот они,
Но ничему не помогли.

Мы вышли в открытое горе, а в нем ни покрышки ни дна,
Как беженцы, мечутся рыбы, лелея свой утлый уют.
Молитвы за тех, кто в дороге, уже не особо спасут,
Но взрослая женщина "мама, мне страшно" кричать не должна.

Одна, назовем ее Люба, отправилась в дальний поход,
Туда, где бесследно пропали отец и любимый и брат,
Искала тепло и застыла, теперь она больше, чем лед.
А летом ее разморозят, но вряд ли уже оживят.

Природе привычны каверны, ее не страшит пустота.
Другая, допустим, что Вера, вся в чистом и без багажа,
Выходит курнуть напоследок, когда заливают борта,
И сразу спасает собаку, ворону, кота и ежа.

Раскинулось горе широко, во всю поднебесную ширь,
И родина душит в объятьях: терпи, говорит, я же мать.
И третьей, которая Надя, ей некуда больше спешить:
Ей все запретили – прощаться, встречаться и даже дышать.

Что раньше считалось успехом, сегодня предлог для суда.
Ты падаешь в бездну, и горло холодная пилит вода.
Но если ты выжил, то это триумф, а не просто успех,
И Надя настойчиво дышит, и дышит, и дышит.
За всех.

Время склоняется к осени, запахи ожили
Мелких цветов вдоль дороги и камня нагретого.
Мы приспособились к подлости, боже мой, боже мой,
И ничего не почувствовали после этого.

Солнце к шести уже ветром горячим пригашено.
Мы примирились с любой нестерпимой участью,
Даже такой, что не вышепчешь (лишь бы не нашею)
Казню казнимых, неволею вольных и муками мученых.

Пепел акации все еще с нами, не абы с кем.
Что же мы рвемся к победе за страшную цену-то...
Ближние жмутся друг к другу под небом октябрьским –
Хмурым от жалости, как Иисус из Нацерета.

Горел сентябрьский цинк, и стыла охра,
Стекал закат по кончику ножа.
Я встала на карниз и мыла окна
На высоте седьмого этажа.

Цвело ведро густою мыльной пеной
И, тряпку отыскав на дне его,
Я думала, что жизнь моя бесценна –
В том смысле, что не стоит ничего.

Застыв в опасных шлепанцах над бездной,
Стекло газетным шоркая комком,
Я всех жалела маленьких и бедных,
Мелькающих в машинках и пешком.

Был укус, ложек пять, с водой размешан,
Для кухни, криво врезанной в торец.
Я думала, что буду меньше, меньше,
И в старости исчезну, наконец.

Мир помутнеет как стекло в крахмале,
Душа, помедлив, прах переживет.
А снизу мне покупками махали,
Крича, что поднимаются вот-вот.

Кто вырос под песню "давайте уедем",
Давайте оставим родные могилы,
Могилы уехали, если б могли бы,
Им север был до отвращения вреден,
Им холод годами вливали подкожно
За валом девятым, железнодорожным.

Не избраны, ладно, как минимум званы
Туда, где синее, как минимум, море
Как максимум, небо; в далекие страны,
В места, где ни жалоб, ни скорби, ни хвори.
– Недавно, ты знаешь, уехал такой-то.
– Что пишет?
– Не пишет, у них все спокойно.

Давайте оставим – не жалко нисколько –
Застывшие окна, пустые фасады,
Подземные рейсы, трамвайные кольца,
Все, что неподвижно и, значит, не надо,
Не нужно. Не будем вдаваться в детали:
Уедем как прежде, как все уезжали.

Давайте уедем, кто выжил в субботу,
Кто утром в постели, на кухне, на пляже,
В больнице, в машине почувствовал что-то,
Во что ночь назад не поверил бы даже:
Любовь не работает. Смерть – это милость.
Жизнь – это предательство, так получилось.

Давайте уедем; кто был за границей,
Тот знает, как просто их пересекаешь –
От ветра кривятся любимые лица,
На лицах не слезы, частицы песка лишь,
Вот-вот смена вех, смена всех декораций...
Но некуда ехать и не возвращаться.

ВОЙНА

Она глядит в тебя, раскрыв гнилую пасть,
А ты измучен, хмур и уступаешь в силе.
Пока у нас война, ты хочешь только спать:
Чтоб выключили свет и звуки погасили.

И с каждой из тревог отчетливо старей,
Из человечьих прав ты выбрал бы такое:
Вернуться, наконец, в дом без чужих людей
И в роскошь горевать о воле и покое.

Твое лицо живей, когда ты не один,
И по нему читать не требуется близким.
Ты, выйдя в белый день, идешь среди руин
И кажешься другим подвижным обелиском.

И ни вопрос "за что", ни возглас "поделом",
Ни человек, ни пес не облегчат стараний:
Ты пробуешь дышать и давишься стеклом,
И птица вьет гнездо в кровотокающей ране.

Мне не хватало терпенья в жизни и моря в горсти,
Я не бывала в Одессе, а собиралась сто раз,
Я никого не спасала и не смогла бы спасти
И до сих пор не умею деньги хранить про запас.

Я ночевала на койке, где не прилечь в полный рост,
Я не заметила толком, как развалился Союз,
Маму в гробу, как посылку, я отвезла на погост,
Я умирала два раза, но почему-то боюсь.

Я постепенно узнала, как выгорают дотла,
Я бы хотела увидеть мир – там, где нынче бардак.
Мы, причинявшие горе и не желавшие зла,
Жаждем покоя и только, но не навечно, а так.

Чтобы как раньше куда-то ехать, вертя головой,
Выйти в сплошное цветенье, двинуть к базару пешком...
Хочешь отправиться в город? Город покончил с тобой.
Хочешь отправиться к морю? Стало песком.

Смахни меня с листа моих четверостиший,
Я не замечу даже.
Я не хочу смотреть, как Ты, вздохнув, простишь нас,
А Ты простишь однажды.

И лягут прямо в прах, среди щебня и воронок,
Забыв вражду и муку,
Высокособый лев и чуть живой ягненок,
И лебедь, рак и щука.

Вернутся даже те, кого уже не ищут.
Чтить перестанут подлых.
И если будет день, то, значит, будет пища,
А если ночь, то отдых.

Представь, что у детей – вишневый сок на лицах,
И кот мышей не ловит.
Но ненависть уже ни в чем не растворится –
Ни в музыке, ни в слове.

Друг звонит из больницы из-под одеяла:
"Помнишь, ты интересную книжку читала,
Там герой, перед тем, как его убивало,
Помечался особым значком?
Мы не в книге, нам трудно понять, кто помечен,
И, хотя ни один по итогу не вечен,
Кто в финале заплачет о ком".

- Тебе лучше?
- Не лучше.
- Не хуже?
- Не хуже.

Помнишь, в фильме герой вопрошал: "Что снаружи?"
С каждым днем наш мирок все сильнее разрушен,
С каждым днем окончательней сдвиг.
Были б силы, давно б из больницы ушел он,
Но, как старая птица, глядит отрешенно,
Свив гнездо из подушек и книг.

Он кладет телефон, поднимаясь с постели,
Я смотрю, как в палате окошки стемнели,
Он ползет к выключателю прям еле-еле,
Но потом зажигается свет.
- Помнишь Лену, Андрюшу, Марину, Сережу?
Ты кого-нибудь видишь?
- А как же!
- Кого же?
Никого не встречала сто лет.

Мы, столкнувшись, слова так мучительно ищем,
Как свое барахло на чужом пепелище,
Правда, текст с опечатками кажется чище
И не выглядит как приговор.
Так, слетевшую петлю в изделии негодном
Можно спицей поддеть и накинуть на горло
Или чисто закончить узор.

Медленно, будто осел в Вифлеем,
Солнце тащилось за крышу сарая.
"Вот же я дура, – подумала М., –
И не подумала, что умираю.

Чертова недальновидность бабья –
Париться над одноразовым телом,
Я не хотела быть старой, но я
И умирать молодой не хотела.

Вряд ли я буду кипеть в казане,
Хоть недостаточно саван отстиран".
М. понимала, что связи конец
С этим непрочно устроенным миром.

Но от войны до войны этот мир
Якобы тем и хорош, что непрочен,
Полный дерьма и озоновых дыр,
Он до поры предпочтительней прочих.

М. сознавала, что по существу
Жалко детей – и соседских, и всяких.
"Как вы останетесь в этом хлеву,
В этом животном, свернувшемся мраке?

Только корова, рожая телят,
Может, наверное, думать иначе".
"Радуйся, ты родила!" – говорят.
"Радуюсь", – М. отвечает и плачет.

Мы соединены без паузы, внахлест,
Тесней пчелиных сот.
Опасны небеса, но в них летает клёт,
И славка, и удод.

Стрижа или скворца, поднявшихся домой,
В объятия родни,
О, птический обман, наивный и благой,
Спаси и сохрани.

Бежишь или сидишь в убежище своем,
Спиной к его стене:
Когда Ты всемогущ, мы все переживем,
И даже то, что не.

Но Богу ни к чему заученная лесть
(Как мертвому – гранит)
Осмелившихся ждать, готовых уцелеть,
Встречавшихся навзрыд.

Волнообразный путь проделав на восток,
Застыв на рубеже,
Так зимородок ржав и от зимы далек
И навсегда уже.

Лето, будь милосердно к твоим присмирившим адептам,
Мы ложимся в кровать и не спим, не хватает дыхания.

– Если окна открыть, то прохладнее станет?

– Да где там.

Будто чай мимо рта опрокинул безумный дехканин.

Мы забросили невод – ловить невозвратные вещи:

Запах теплых страниц, лепетание стоптанных тапок.

– Ты на лето куда?

– Я не знаю, возможно, навеки,

Но пока ничего не сложила в дорогу, растяпа.

Ты все пела и вот, как на грех, ничего не успела –

Леденец витража, за которым сиянье погасло.

Мотылек или жизнь, солнцепек или адское пекло,

Или ты под акацией куришь, кипящей как масло.

Не представляю, как там она живет.
Может быть, закрывается и ревет,
Может, наоборот, у нее порядок:
Свет переходит в мартовское тепло,
Вот и стекло оконное припекло,
Снег обомлел и выпал к утру в осадок.

Не представляю, как там живет она.
Спросишь: одна? Да вроде бы не одна.
Что происходит? Да ничего такого.
Фокусник, снявший голову, как чалму,
Я догадаюсь по не пойми чему:
Ну и прекрасно, лишь бы была здорова.

Режет ли лук, терзает ли телефон,
Ищет ли шарф в кармане (да вот же он),
Или, уже найдя, тормозит у двери.
Все, что угодно – лишь бы она была,
Лишь бы, по крайней мере, она жила,
Лишь бы жила всегда, по бескрайней мере.

Мир наш подсвечен, Господи, кое-как:
Можно плечом удариться о косяк,
Можно упасть в окно, не почуяв ямы.
Кто ее знает – даром не говорит.
Очень уж слабо, слабо она горит,
Но до чего безжалостно и упрямо.

КОВЧЕГ

Сказали: дождь, мы сделали ковчег,
Внесли туда младенцев и калек;
И кто-нибудь из нас стоял на стреме.
– Ну что там дождь?
– Пока еще идет.
Ну ничего, допустим, этот год
Мы проведем в плавучем нашем доме.

Мы научились жизни под дождем,
Где каждый выживает на своем
Запасе сухарей, тепла и света.
Когда они уже истощены,
Тогда засни, согревшись у стены,
Не понимая, для чего все это.

Мы ждали, что закончится потоп
И составляли пары на потом,
Но пары составлялись еле-еле:
Не то чтоб кто-то нравился и не,
Но все самцы погибли на войне,
А самки раньше свадьбы овдовели.

Нам говорили, что виновен Бог,
Устроивший на стыке двух эпох
Потоп неукротимый, как в Макондо,
Но столько было тьмы со всех сторон,
Что мы решили – действует не Он,
Не Он, а обезбожившая кодла.

Она следит – глаза пусты до дна,
Спасется ли из тварей хоть одна,
Ей все равно, топить, стрелять ли, жечь их.
В таких глазах – ни правды, ни любви,
Ни мальчиков, ни девочек в крови,
Ни мертвых стариков, ни мертвых женщин.

В последний раз мы выгребли едва,
Размокли пальцы, вымокли слова,
А всё, как раньше, брат идет на брата.
– Как там потоп, не видно ли земли?
Но даже тех, кого уже спасли,
Нам больше негде согреть и прятать.

Чтобы не пугались, не ахали,
Не сбывали с плеч тяжкий груз,
Сделай меня, Господи, сахаром,
Посмотри, как я растворюсь.

Ни поминовения вечного,
Ни альбома (вспомнить потом) –
Чтобы было нечему, нечему
Упаковываться в картон

И вотще темнеть коридорами,
Как в аптечке высохший йод.
...Без осадка – было бы здорово,
Но уж это как повезет.

Там поля войною распаханы,
Здесь войной распаханы мы,
Нет причины плакать над сахаром
И над снегом прошлой зимы,

Чтобы только было не больно им.
...Без остатка, шрама, следа,
Чтобы эту землю соленую
Не глотать уже никогда.

Силы на исходе – негде взять,
Стол был яств – теперь разверзлась яма.
Родина, с чего она мне мать?
Мать моя – Дубровская Татьяна.

Попрекал хирург ее смурной
Лаком на ногтях и тазом узким,
Кто б еще так мучился со мной,
Как она со мной в роддоме Крупской?

Этой ночью – было бы смешно –
Вырубили в зданьи свет и воду,
"Неотложки" фарами в окно
Со двора подсвечивали роды.

Жизнь, зарегистрированный факт,
С каждым новым вздохом дорожала.
Я дышала очень кое-как,
Кое-как, но все-таки дышала.

И вопрос дыхания ребром
Столько раз вздымался перед нами.
"Думайте, Татьяна, о втором", –
Откровенно говорили маме.

Но для мамы я была одна,
Не было запаса и резерва.
То ли дело целая страна –
У нее "вторые" каждый первый.

Что державе незачем держать –
Сотни тысяч топчутся у края –
Держит несговорчивая мать,
Мертвой хваткой, рук не разжимая.

Мой друг дотолкал судьбу до молочных рек,
В кисельные берега погрузил каблук.
Он очень самостоятельный человек,
Но в этом раю совсем растерялся вдруг.
Выходит вдохнуть прохлады на берегу
И шепчет: "Ну правда, Господи, не могу".

Он знает, что повредились пути назад
И знает, что выбрал сам оказаться тут,
И он приобрел диван, разобрал рюкзак,
Но в этом раю забыл, как его зовут.
Он шлепает по стене, зажигая свет,
Там был выключатель. Дома. Но дома нет.

Ему то пейзаж предложат, а то дворец,
Но нет на восторг ни слов никаких, ни сил,
И если б сейчас к нему снизошел Творец,
Он вряд ли б Его о чемнибудь попросил.
Закончить войну? Дать отдых от слез глазам?
Да если б Он мог, давно бы закончил сам.

Мой друг постарел, но это и обо мне.
Звоню: "Приходи, и выпьем и накормлю".
Ему тяжело привязываться к стране –
Она из веревки может скрутить петлю.
Да нас и на этом свете никто не ждал,
Чуть что: "чемодан-вокзал, чемодан-вокзал".
И нам не дает, хоть плачь, говорить с тобой
Гудение самолетов над головой.

Мы шли, и шли, и шли, но выжили не те,
Кто выложил монет поболее, чем другие,
Не тот, кто слаще ел, кто видел в темноте,
Кто не вступал в конфликт назло драматургии,

Не те, кого не мог достать холодный дождь,
Бегущий по хребту, как по ступеням храма,
Не те, кто (нет, не те), решившись на грабеж,
Мертвы, и потому давно не имеют сраму,

А вот, смотри, одна — ну девочка почти,
Срываемая в путь упрямою тревогой,
Но как легко прошла по этому пути,
Должно быть потому, что весила немного.

Подходишь к ней: "Ну как? Такой усталый вид!
Не падаешь ли с ног? Не утомила ноша?"
"Сплю мало, — говорит, — но сон мой не болит,
Ложится, как покров, на ослика и лошадь.

И даже до утра им, кажется, тепло,
Дыханье их дрожит, как маленькое знамя.
Как будто ничего плохого не смогло
До самого конца уже случиться с нами".

Не во избежание страдания,
А во избавление от забвения:
Вряд ли мы увидимся когда-нибудь,
Но не станем дальше тем не менее.

Там ты поднимаешься по лестнице,
Отдыхаешь на площадке третьего.
День оцепеневший, как подследственный:
Раз-другой чаек попьешь и нет его.

То алкаш, то нищая кошатница
К двери прижимаются встревоженно:
Но дверной глазок, как ни таращится,
Видит только своего такого же.

С февраля стоит погода та еще,
А начнет цвести сирень – чем лучше-то?
Лучше тем, кого не досчитаются.
По какой причине? Как получится.

Думаешь, молчанье не карается
Там, где муки мучеников дешевы?
Вот и все, ворота закрываются.
Осторожно! так нельзя! да что же вы...

Не смогла позвонить, не успела приехать,
Душно в поезде, холодно в куртке без меха,
В общем как-то не к слову, не к месту, не к спеху;
Бог не зол, но – как правда – жесток.
Ну, приеду, ну сяду, все как-то не к стати,
Общих воспоминаний надолго не хватит,
А потом до утра в неудобной кровати
Ждать, когда заалееет восток.

Я не знала, отсюда туда уезжая,
Что однажды квартира мне станет чужая:
Я жила здесь, любви и богатства желая,
Ни того, ни сего не стяжав.
Я боялась ментов и тележного скрипа,
Но зато умирала от нежности к липам,
К этим улицам, лицам, жильцам и жилицам
Самой страшной из страшных держав.

Мы не ссорились, как же теперь примириться?
Ходишь по коридору, как в детской больнице:
Мне б какую таблетку от боли, сестрица,
Только пуст ее сестринский пост.
Да вы что там, совсем обезумели, что ли,
Дайте средство какое угодно от боли,
Поле боли размером куда уже боле
И погост превратился в компост.

Я бы тоже покинула пост одинокий,
Где трусливо лишая сочувствия многих,
Вижу мертвого, так подогнувшего ноги,
Будто мальчик заснул на бегу.
И сочувственный спазм разбухает в гортани,
Этот мир на спасение больше не тянет,
И, хотя он застыл на пределе, на грани,
Я уйти никуда не могу.

– А были ли какие-то симптомы?
Вы были дома? – Да, мы были дома.
Она сказала: "Хватит нам салата,
Но лука в нем, пожалуй, маловато".
Снег мазал по стеклу, как белый флаг.
– И это знак? – Да никакой не знак.

– А были ли какие-то сигналы?
– Она сказала: "Лука, что ли, мало,
Порежь еще, да есть ли этот лук, нет?"
И пошатнулась так, как будто рухнет,
И на плите готовилась еда.
– И это все? – Все было, как всегда.

– И что, и никаких предчувствий? – Не-а.
А что, скажи, могло случиться с нею,
С ее вот этим голосом, руками?
– Вы так близки? – Ну да, она близка мне,
Была близка. Как ни сиди, ни пей,
Не понимаю, где она теперь.

Совсем не то запоминает память,
Чуть отвернешься – начинает спамить:
Примятый задник (– Тапка? – Нет, театра!),
Пятно на майке, перхоть... – Хватит врать-то!
– Привычка у окна курить впотьмах,
Звон с утра, "простуда" на губах.

Так память зла, что из такого паззла
Не сложишь тех, кого терять опасно,
Так непохожи, так случайны фразы,
Как будто им чужой язык навязан:
Как в пьесе, входят в освещенный круг,
Как будто пьют, как будто режут лук,
Как будто смотрят в этот наш уют
И тоже больше нас не узнают.

Снег был настолько тих среди многоэтажек,
Что тише быть нельзя (придумывать не смей!).
Все наши жили так, предполагая даже,
Что тишина сильна и объегорит смерть.

Прадедушка портной и дедушка ученый
И я, ни то ни сё, но даже в ясном дне
Я буду тише всех, я буду обреченней
В погроме чуют гром и слышать вой в войне.

Теперь я знаю то, что помнить не желая,
Скрываешь от себя, а толку, прячь ни прячь,
Но знаешь, что убьют собаку из-за лая,
За стоны – старика и мальчика – за плач.

Все хрупкое – куда ж – становится все хрупче,
Все злое, что ни день, безжалостней и злей.
И лучше уходи отсюда, мой голубчик,
Не спасший никого, себя-то пожалей.

В.Ж.

Вчера сказали те, кто был знаком.
Сегодня те, кто не были знакомы.
"Я столько лет дружил со стариком".
"Он чувствовал себя у нас как дома".

"Он был храбрец, но главное – поэт".
"Он прожил этот век достойней прочих".
И он погиб на скло... во цвете лет,
Поскольку умирать никто не хочет.

Теперь подступит тьма со всех сторон,
Но мы привыкнем, не было бы хуже.
А он глядит – как мальчик удивлен
И как творенье божье безоружен.

Как мармозетка, околевшая на Невском –
Оцепеневшая приманка для прохожих,
Медведь и козочки, убитые ракетой,
Лев исхудавший, будто кукла бибабо –
Не пригодившиеся жизни-однодневки,
Когда ты только восклицаешь: "боже, боже",
Когда так страшно, что ты там ни исповедуй,
И ничего не исповедовать слабо.

Никто из них не выбирал, где оказаться:
Ни на плече пуховой куртки афериста,
Ни в душной клетке, ни в контейнере промерзшем,
Ни в зоопарке, подведенном под расстрел,
Когда безглазая стена в глазах мерзавца,
Когда мороз жесток, когда огонь неистов,
Когда не чаешь воскресения из мертвых,
А затихаешь посреди затихших тел.

Любовь вот так же ничего не выбирает:
Ни даже места где-нибудь побезопасней,
Ни даже дня, что мог бы быть и посветлее,
А только терпит, милосердствует и ждет.
Так долго ждет, пока нас ненависть стирает,
Так долго ждет, как будто время есть в запасе,
Как будто знает: мы вот-вот придем за нею.
Так долго ждет.
Ну, ничего, уже вот-вот.

У него свидания с женой
Раз в полгода, прямо как в тюрьме,
Он к ней ходит со своей виной.
А она простила? Вроде не.

Носит ей бумажные цветки,
Хоть бы раз живое что-нибудь.
Да теперь хоть куст приволоки,
Ничего обратно не вернуть.

Он над ней стоит, не смеет сесть,
Сильно дольше, чем хватает сил.
Он бы ей принес благую весть,
Если б сам такую получил,

Типа: "Им не выиграть войну,
Даже всех нас перехороня".
А она б сказала: "Ну и ну,
Ты такой ребенок у меня".

Натянули ширму в дверном проеме.
Мы сидим на стуле вдвоем, втроем ли:
Ведьма тащит принцессу, схватив в охапку.
– Это Ленка моя говорит за бабу!
А принцесса дура, но безобидна?
– Тоже Ленка, просто ее не видно.

Наша разница в возрасте незаметна.
Нет, заметна: она подросла за лето,
Руки стали другие, глаза другие.
У нее, мне сказали, тахикардия:
Сердце (ослик, чей бок и другой исхлестан)
Не справляется с бешеным этим ростом.

Ведьма хочет зажарить принцессу с луком.
Еще год или два, а потом разлука
В тридцать лет и три года длиною пропуск.
Не разлука, какая разлука, пропасть:
В жизни более-менее нитевидной
Нас не то что совсем, но почти не видно.

Не наука с религией в вечном споре,
А разлука с религией, вера с горем,
Встреча – с тем, что туннель без конца и края.
Мы прощаться встречаемся, умирая?
Мы встречаться прощаемся или что там,
К животворным готовясь иным частотам?

Ничего, нас научат справляться с тем, как
Сердце бьется посредством медикаментов.
В темноте колотим собою в прутья:
Все дошло до точки, до дна, до сути
(Ни вдохнуть, ни вспомнить об этом даже),
А дойдя до сути, рвануло дальше.

Сирены ничего не значат, а воздух значит.
Спросите у любого с астмой или инфарктом.
Эвакуируют лежачих. Сперва лежачих.
– Ну что, наездился в купейном? Теперь плацкартом.

Кого – укрыли полотенцем и одеялом:
Начало марта, вроде рано гулять раздетым.
В палате душно, а снаружи получше стало.
– Да вы лежите!
– Да лежу я, куда тут деться.

Кто смотрит в небо, если лежа, то так удобней,
Взгляд сквозь безжалостные слезы стремится кверху.
Сирены ничего не значат. Да чтоб вас... чтоб вам...
Как тянет от земли – землю, от ветра – ветром.

Сложили в комнате без окон, внесли ледащих.
– Здесь нас поселят не для жизни, а для спасенья.
Вон бескаркасные носилки по снегу тащат,
А воздух, кто бы мог подумать, уже весенний.

Из целого хора семейного
На снимке, старинном на вид,
Я знаю вот этого мелкого,
Который с медведем сидит.

Они бы его не заставили,
Он долго бы бегал, визжа,
От примы еврейского табора,
Заснятого в два этажа.

Сидел под столом бы на корточках,
Потом бы летел во всю прыть
В притихшую спальню, где форточка,
Морозно и можно курить.

Он ждал бы, раз прятаться не за что,
То просто присев на кровать,
Когда, отсмеявшись, отгневавшись,
Его перестанут искать.

Забудут о нем – ну, пожалуйста,
Оставят его одного
С угрюмой любовью и жалостью,
Которые есть у него.

Прижавшийся лбом к подоконнику,
Где дует в оконную щель,
Он ждал бы, когда это кончится,
И праздник, и день, и метель.

Как будто отправился поезд, но
Внезапно сменился масштаб,
И жизнь незаметно, небоязно
Прошла бы, прошла бы, прошла б.

Но в должности самого младшего
Он горько глядит, как бирюк,
Сжимая медведя обмякшего
От жарких и маленьких рук.

СМЕРТЬ ПОЭТА

"Хочу твои глаза!" – кричит ему Мари.
Он говорит Мари: умру, тогда бери.
Она смеется, но боится за него,
Мари – четвертый год, четвертый год всего.

Бледнеет пыльный пол, стакан пропах вином.
О, если б жили мы во времени ином,
Чтоб не осознавать свою причастность злу,
Чтоб не лежать ничком на стоптанном полу.

Да нет, пускай печаль, когда стакан допит,
Но только чтоб не страх, не стыд его, не стыд.
Мари – четвертый год, всего четвертый год;
Она не хочет спать, она его зовет.

Мы пережили ночь, переживем еще,
Какая тишина, собачий лай не в счет.
Мари глядит в глаза и ей не до вранья.
– Ты что, кого-то ждешь?
– Тебя, любовь моя.

Жара опять горчит, как спелый абрикос.
Мари жует одну из расплетенных кос.
Ты хочешь молока? Не хочешь молока?
Страшнее, чем звонок, бездействие звонка.

Он стелет ей кровать; пока она не спит,
Является гроза, горящая как спирт,
И марлю пузырит на яростном ветру.
И он смеется: "Весь, Мари, я не умру".

Отче, она не отчаялась и не ревет,
Ты говорил: "Не отчаивайся, не реви".
Ей на работу вставать, значит, встанет вот-вот,
Просто война раздирает ее изнутри.

Ей на работу к семи или даже к шести,
Листья грести (да, такая работа – отстой).
Если она соберется, ну, скажем, уйти,
Кошки не выживут долго в квартире пустой.

Нет интернета, на что ей всемирная сеть?
Кто там не спятил еще из последних подруг?
После войны все обнимутся, ладно, не все:
Те не простят, у кого не останется рук.

За гаражом – подорожник, полынь, львиный зев,
Летом безветренно, местным бомжам благодать.
Список никем низачем незамеченных жертв
Набран так мелко, что кто это будет читать.

Если тебя не убьют (а тебя не убьют),
Если содом (да с чего) превратится в эдем...
Я присмотрю за тобой, я же тут (я не тут).
– Ты мне поможешь?
– Конечно (помочь бы, да чем?).

Мы спали в том доме, где Светка живет (жила).
А утром вставали, садились вокруг стола,

Коты отсыпались, а пес невпопад скулил.
И дверь грохотала, и кто-то в окно курил.

И дым растворялся в весеннем сыром дыму.
И мы уходили не сразу, по одному.

Мы верили даже, когда покидали дом,
Что это на время, что скоро опять придем,

Собака дождется, и чайник не закипит,
Сирень задохнется, как выплеснувшийся спирт.

И ночью, в подъезде с разбитым окном во двор,
Мы вспомним, что живы, как не были до сих пор.

Но если мы живы, а это как дважды два,
То, значит, и Светка, конечно, сейчас жива.

Мне нужен Египет, чтоб выйти туда, где вход
В панельный, последний, где Светка жила (живет),

А двери закрыты, а море у самых глаз
И к этой свободе уже не пропустит нас.

Ничем не примечательная женщина
Пошла в ларек за полуфабрикатом,
Чтобы потом в духовке сжечь его,
Ругаясь матом.

Посуду, чем быстрее, тем неподвижнее,
Водой почти холодной перемила,
Меж тем, как жизнь – да ладно – жизнь ее
Не проходила.

Не проходила, будто приступ жадности
У голубей, переборщивших с просом.
Бросалась к двери, задыхалась жалостью,
Глядела косо.

Садилась у порога прямо в шапочке
В помятую коробку из-под торта,
И думала, как старенькая шавочка:
"Какого черта?"

Но оставаясь среди живых до одури,
Она стирала пятна на стакане,
Следя в окно за серо-бурой родиной.
За огоньками.

Мы на виллу приехали к Ричарду К.
Он болел, но хотел, чтоб удался прием,
И жасмин украшал отворот пиджака,
И в камине дрова расцветали огнем,
И темневший за нами оконный проем
Выдавал в нас приехавших издалека.

В сине-белых тарелках томился пирог,
И в горячий бульон погружался черпак.
Как паломникам нужен художник Ван Гог,
Так туристам исхоженный дом Анны Франк,
Мы, скорее, туристы, пока натошак,
И, скорее, паломники – под коньячок.

Мы кивали гостям и не пили до дна,
Улыбались и мясо не ели с ножей
Но потом одна дама спросила: "Война,
Скажем, та или эта, какая страшней?
Как вы там, у себя, привыкаете к ней,
Где она – постоянная величина?".

Как сизиф привыкает к работе пустой,
Вопиющий от боли – кричать в пустоте,
Я сказала б, что войны одна у другой,
Как матрешки, таятся в пустом животе,
Я сказала б, что если висишь на кресте,
Никакую войну не находишь святой.

Для чего этот рвущий дыханье монтаж,
Для чего нас опять выбивает из сил
Этот мир, этот недостоверный пейзаж?
Ричард вызвал такси и, прощаясь, шутил;
И когда его дом за окошком поплыл,
Мы отправились в наш.

СОДЕРЖАНИЕ

“Кто с двух сторон окна один и тот же текст...”	3
“Шукаю сабе ў Варшаве пакой” ...	4
“В моей любви к тебе, как муха в январе...”	5
“Белье постирать, посуду помыть, крупу перебрать...”	6
“Свет становится как сухожилия...”	7
“Был в Падуе дождь и в Венеции шторм...”	8
“Не пасторально устроена...”	9
“У моих родных ни корней, ни кроны...”	10
“Невиданных чудес ...”	11
“Приехали куда-то задолго до заката...”	12
“Противник потерял в бою за родину свою...”	13
“Похоже на Крым, но не Крым...”	14
“Я со своим кинофильмом повторным...”	15
“Из наших горьких пьес не выкинуть ни слова...”	16
“Наших не вижу, что ты, какие наши...”	17
НОКТЮРН	18
“Напрасно вы оставили деревья...”	19
“Вынимаешь все зимнее, прячешь все летнее...”	20
“В точности, как у нас, – долго стоит жара...”	21
“Зима придет, потом пойдут на убыль...”	32
СВАДЬБА	23
“Сосед без собаки ходил за виной...”	24
“Вроде бы эта женщина не просила...”	25
“Правитель Валтасар умеет много гитик...”	26
“Лена мне рассказывала так...”	27
“Вчера примерно в шесть закончилась война...”	28
“Мама прощаться едет. Я, говорит, к своим...”	29

ОДИССЕЙ	30
“В начале марта уже без шапки...”	31
“Проводила, посадила – скатертью полет...”	32
“Что, наказание мое, ты едва не...”	33
“– Куда ты?”	34
“Друзей проводив до дверей...”	35
ЛАМАРА	36
ЙОЗЕФ И ЯКОБ	37
“Тут ему пять. Очень серьезный клоп...”	39
“От наших дворов, уплотненных дымом...”	40
“– А ты бы не могла меня забрать?”	41
“Некрасивого человека встречали криками...”	43
“Умирать, похоже, надо...”	44
“По твердым сугробам слепящего марта...”	45
“Она тут не просто так, она же работает...”	46
“Не хочу, чтобы помнили вот такой...”	47
“Как всегда, зацветает жасмин...”	48
“Пацанчик ерепенился и хныкал...”	49
СТАРЫЙ ЦИРК	50
“Больного на дачу вывезли...”	51
“В детстве забежишь в чужой подъезд...”	53
“Пол натопан, день окончен, значит...”	54
“Никого не послушала, родила...”	55
“Спал безжизненно, как матрас...”	56
“Глядишь, она и кончится, как снег или война...”	57
“Квартира с коридором внутривенным...”	58
Л.Р.	59
“Целый день за окнами мрак...”	61
“Опять позвонит тетя Ида...”	62
“Зло победило. Теперь о культуре...”	63

“Мир мало похож на мир, но сильно похож на меч...”	64
“Несколько дымом саднящих суток...”	65
“Наверное, Адам кого-нибудь не спас...”	67
ИМЯ	68
“Земли, если даже сухой – сырой...”	70
“В мире, откуда нас плотной волною смыло...”	71
“Звук голосов за стенкою неясный...”	72
“Когда это все до того опостылело...”	73
– Вам в последний вагон...”	74
“Блажен, кто с утра на базар...”	75
“У клюквы был больничный терпкий вкус...”	76
“Душа как косточка в черешне...”	77
“Приехать в другую страну и лечь в полутеплой квартире...”	78
“Нищий в сырой порфире, тощий король крестей...”	79
“Подруга любит свою страну ...”	80
“Как ждут ареста после обыска...”	81
“Мы вышли в открытое горе, а в нем ни покрышки ни дна...”	82
“Время склоняется к осени, запахи ожили...”	83
“Горел сентябрьский цинк, и стыла охра...”	84
“Кто вырос под песню "давайте уедем"...”	85
ВОЙНА	86
“Мне не хватало терпенья в жизни и моря в горсти...”	87
“Смахни меня с листа моих четверостиший...”	88
“Друг звонит из больницы из-под одеяла...”	89
“Медленно, будто осел в Вифлеем...”	90
“Мы соединены без паузы, внахлест...”	91
“Лето, будь милосердно к твоим присмирившим adeptам...”	92
“Не представляю, как там она живет...”	93
КОВЧЕГ	94
“Чтобы не пугались, не ахали...”	96

“Силы на исходе – негде взять...”	97
“Мой друг дотолкал судьбу до молочных рек...”	98
“Мы шли, и шли, и шли, но выжили не те...”	99
“Не во избежание страдания...”	100
“Не смогла позвонить, не успела приехать...”	101
“– А были ли какие-то симптомы?”	102
“Снег был настолько тих среди многоэтажек...”	103
В.Ж.	104
“Как мармозетка, околешая на Невском –...”	105
“У него свидания с женой...”	106
“Натянули ширму в дверном проеме...”	107
“Сирены ничего не значат, а воздух значит...”	108
“Из целого хора семейного...”	109
СМЕРТЬ ПОЭТА	111
“Отче, она не отчаялась и не ревет...”	112
“Мы спали в том доме, где Светка живет (жила)...”	113
“Ничем не примечательная женщина...”	114
“Мы на виллу приехали к Ричарду К. ...”	115

ЛЕНА БЕРСОН
ПРИЕМНЫЙ КРАЙ

First Edition

Design and typesetting: Virgola Press
Published in 2026 by Virgola Press, New York
<https://virgolapress.com>

Большинство стихов, вошедших в новую книгу Лены Берсон "Приёмный край", написаны за последние полтора года, остальные "переехали" из двух предыдущих сборников, главной темой которых была война. Точнее - жизнь на фоне войны: перемены, которые трудно осмыслить, решения, которые больно принимать; стремление сохранить своих близких и себя самого.

"Лена пишет удивительно просто. Будто бы она сама собственная строка, будто глядясь в зеркало. Органика, переживаемой и проживаемой ей чужой беды в её стихах беспредельна. Такое вживание сродни игре очень большого актёра", - написал о ней поэт Вадим Жук.

<https://virgolapress.com>

ISBN 978-1-968788-34-6

9 781968 788346